Г651
П834

„Революція и исторія“.

ГБ51
П834

31.

ОСЛѢДНІЯ РѢЧИ И ИСЬМА КАЗНЕННЫХЪ БОРЦОВЪ за СВОБОДУ РОССІИ.

Подъ редакціей и съ вступительной статьей

М. Ѳ. Теодоровича.

МОСКВА.—1918.

Репозиторий в интернете

ПОСЛЕДНІЙ РЕЙСЪ
ПЯТИ ЛУЧШИХЪ БОРЦОВЪ
ЗА СВОБОДУ РОССІИ.

Типо-литография И. Н. Кушнерева и К°
М. Б. Театральная площ.

МОСКВА. 1913.

„Революція и исторія".

№ 31.

ПОСЛѢДНІЯ РѢЧИ и ПИСЬМА КАЗНЕННЫХЪ БОРЦОВЪ за СВОБОДУ РОССІИ.

Подъ редакціей и съ вступительной статьей
М. Ѳ. Теодоровича.

МОСКВА.—1918.

1-экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К. 1984
П

ГБ51 р
П 834

ТИПОГРАФІЯ Т-ва „ЗАДРУГА“,
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9. Телефонъ 5-87-02.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
463
27 46106

Довольно спать! Тяжелыя видѣнья
Мучительнаго сна,—бѣгите прочь.
Мы пережили страшныя мученья,
Мы пережили роковую ночь.

Подъ нами пропасть мрачная зіяла,
Намъ слышался повсюду тяжкій стонъ,
Природа местію кровавою дышала,
И злобою былъ воздухъ напоенъ.

Страшнѣй оковъ, страшнѣе самой казни,
Какъ вѣчная подземная тюрьма,
Томила насъ въ мучительной боязни
Тяжелая, безсмысленная тьма.

Но часъ насталъ! И пусть еще покуда
На небесахъ такъ много тучъ,—
Сквозь мракъ пробился ужъ повсюду
Свободы солнца животворный лучъ!

Желанный лучъ! Согрѣтые тобою,
Готовы мы страданья всѣ забыть,
Готовы примириться мы съ судьбою,
Готовы все минувшему простить...

Свѣти же намъ сквозь сумракъ непогоды,
Дай силы намъ скорѣй впередъ итти
Путемъ труда, и мира, и свободы...
Желанный лучъ! Свѣти же намъ, свѣти...

М. Т.

VIII—1917.

Революцію часто называютъ соціальными родами.

Роды русской революціи долгое время не могли разрѣшиться. Тщетно исторія, какъ варварская повитуха, дѣйствовала желѣзомъ и мечомъ и перебрасывала насъ изъ кипящей волны почти истерическаго возбужденія въ ледяную воду постылаго гнета. Лилась кровь, стонала утроба матери, но узы ея долгое время не могли разрѣшиться.

Обильно расточавшуюся свергнутымъ правительствомъ по отношенію къ его „врагамъ"—носителямъ идей русской революціи—смертную казнь необходимо выдѣлить изъ общей картины безумія и ужаса, процвѣтавшаго послѣдніе годы въ Россіи кроваваго произвола, въ виду важнаго симптоматическаго значенія этого явленія.

Исторія смертной казни говоритъ намъ, что человѣчество въ своемъ поступательномъ развитіи переживаетъ много кровавыхъ моментовъ, но среди нихъ только два знаменуются непрерывнымъ, постепеннымъ и въ то же время быстрымъ возрастаніемъ примѣненія смертной казни.

Однимъ изъ этихъ моментовъ является время сложенія государственной организаціи. Объединяя отдѣльныя независимыя группы, государственная власть—слабая, неорганизованная—съ трудомъ удерживаетъ ихъ даже въ отношеніи формальнаго подчиненія. Трудность борьбы съ этими непокорными элементами становится все ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ власть стремится къ созданію все большаго, тѣснѣйшаго единства государства, къ установленію все большаго фактическаго господства единой твердой центральной власти. Чувствуя себя уже достаточно сильной, чтобы прибѣгать къ кровавымъ мѣрамъ борьбы, и не чувствуя себя еще достаточно сильной, чтобы обойтись безъ нихъ,—государственная власть на первыхъ порахъ своего существованія непрерывно расширяетъ область примѣненія смертной казни. „Еще неокрѣпшія общество и государство,—говоритъ проф.

Кистяковскій,—должны были энергически защищать свое существованіе отъ нападеній; объединеніе какъ общественное, такъ и религіозное и умственно-нравственное совершалось при содѣйствіи жестокихъ мѣръ. Вотъ почему образованіе и укрѣпленіе государствъ вездѣ и всегда сопровождалось обильными казнями". Но „когда окончена работа созданія государствъ, когда добыто формальное единство—умственное, нравственное и религіозное—потребности человѣка измѣняются. Государство и его учрежденія пріобрѣтаютъ такую крѣпость, что для поддержанія ихъ нѣтъ нужды въ жестокихъ мѣрахъ. Благодаря государственной жизни человѣкъ достигаетъ той степени экономическаго, общественнаго и умственно-нравственнаго развитія, для дальнѣйшихъ успѣховъ котораго необходимо принятіе цѣлесообразныхъ мѣръ, а не жестокая система наказанія" *). Съ этого времени вся дальнѣйшая исторія смертной казни является исторіей ея постепеннаго (но не непрерывнаго) вымиранія.

Подобно моментамъ усиленія государственной власти, и моменты ея крайняго ослабленія, моменты разрушенія даннаго государственнаго строя—сопровождаются быстрымъ ростомъ числа смертныхъ казней. Чувствуя себя еще достаточно сильной для того, чтобы прибѣгать къ кровавымъ мѣрамъ борьбы, она уже не чувствуетъ себя достаточно сильной, чтобы обойтись безъ нихъ. Будучи осуждена на смерть, власть, забывая изъ-за личнаго интереса, изъ-за инстинкта самосохраненія, что она—правительство, призванное защищать государственные интересы,—отдается защитѣ своихъ классовыхъ интересовъ. Для достиженія этой цѣли, для того, чтобы вызвать къ жизни изъ развалинъ старый порядокъ, отстоять его отъ всесокрушающей силы бурнаго потока революціоннаго движенія,—власть перестаетъ быть разборчивой въ средствахъ, хватается за самыя отчаянныя изъ нихъ, забывая передъ лицомъ смерти все божеское, человѣческое.

Терроръ свергнутаго правительства превратился у насъ послѣднее время въ какую-то затяжную эпидемію, которая

*) Кистяковскій—„Изслѣдованіе о смертной казни", 1867 г. стр. 277—278.

въ свою очередь вызывала съ удвоенной силой эпидемію террора со стороны вождей русской революціи.

Революціонеры—прежде всего альтруисты, которые жертвуютъ собой на благо народа; убійства—отнюдь не цѣль ихъ дѣятельности, а лишь необходимое зло въ силу естественной самообороны противъ жестокостей репрессій. И если революціонеры прибѣгали къ террору, то вѣдь для нихъ какъ ни какъ существуетъ оправданіе въ томъ, что они были лишены легальныхъ способовъ для борьбы съ насиліемъ, и если бы имъ были предоставлены законныя права открыто проводить въ жизнь мирнымъ путемъ начала правды на благо народа, то они никогда не стали бы прибѣгать къ убійствамъ.

Но являлась-ли необходимость бороться съ ними убійствами-же? Конечно, нѣтъ, ибо правительство располагало, помимо смертной казни, цѣлымъ арсеналомъ другихъ законныхъ средствъ для огражденія себя отъ „нежелательныхъ“ элементовъ. А если тѣмъ не менѣе правительство прибѣгало къ казни, то, слѣдовательно, имъ руководила только кровожадная месть, т. е. чувство, свойственное только дикарямъ и варварамъ.

На побѣду путемъ истребленія враговъ можно было разсчитывать, какъ замѣтилъ еще Гизо, лишь въ тѣ отдаленныя времена, когда политическіе перевороты носили личный, фамильный характеръ, когда со смертью вождей гибло и само движеніе. Въ новыхъ революціяхъ дѣятели являются лишь орудіями, носителями революціонныхъ идей. А идеи нельзя ни разстрѣлять, ни задушить. „Если идея, вѣрованіе, исповѣдываемыя первоначально, хотя бы горстью людей, составляютъ дѣйствительно принципъ обновленія человѣчества, залогъ его дальнѣйшаго развитія, то ничто не остановитъ ихъ тріумфальнаго шествія: ни потоки крови, ни тысячи человѣческихъ головъ. Изъ-подъ груды тѣлъ, изъ-подъ дымящихся развалинъ и опустошенныхъ городовъ они вновь явятся неуязвимыя, вѣчно юныя, готовыя неустанно идти на ловитву душъ“ *).

*) Таганцевъ—„Русское уголовное право“, 1902 г., II, стр. 1132; ср. D'Olivecrona—„De la peine de mort“, 1893 г., Berner—„Abschaffung der Todesstrafe“, 1863 г., Гернетъ—„Смертная казнь“, 1913 г.

Смертныя казни не спасаютъ государственный строй отъ гибели. Освѣщая свое паденіе кровавымъ заревомъ, рухнулъ и нашъ прогнившій строй, и роды русской революціи разрѣшились, наконецъ, появленіемъ на свѣтъ долгожданной свободы. Вскрылись великія рѣки народнаго гнѣва, но тѣ, что ломали ледъ и раскалывали громадныя, тяжелыя льдины,—задавлены ими, безвозвратно... навсегда...

И ты, читатель, вы, граждане воскреснувшей Россіи, всѣ тѣ, надъ кѣмъ изъ мрака тучъ взошло и засіяло солнце,—съ тоской по нимъ и съ нѣжною любовью къ ихъ свѣтлой памяти перенеситесь мыслью къ тѣмъ, кто, васъ любя, шелъ съ яснымъ взоромъ твердымъ шагомъ впередъ, впередъ, кто жизнью жертвовалъ для васъ...

М. Теодоровичъ.

VIII—1917.

Письмо В. А. Осинскаго *).

„Дорогіе друзья и товарищи!

Послѣдній разъ въ жизни приходится писать вамъ, и потому прежде всего самымъ задушевнымъ образомъ обнимаю васъ и прошу не поминать меня лихомъ. Мнѣ же лично приходится уносить въ могилу лишь самыя дорогія воспоминанія о васъ. Особенно спасибо тебѣ, И.., за твою сердечность; и я, и жена моя, и В. горячо тебя любили и всей душой благодаримъ за заботливость о насъ.

Мы ничуть не жалѣемъ о томъ, что приходится умирать, вѣдь мы же умираемъ за идею, и если жалѣемъ, то единственно о томъ, что пришлось погибнуть почти *только* для позора умирающаго монархизма, а не ради чего-либо лучшаго, и что передъ смертью не сдѣлали того, чего хотѣли. Это единственное, самое лучшее пожеланіе, которое мы можемъ

*) Валеріанъ Андреевичъ Осинскій (изъ помѣщиковъ Ростовскаго у. Р. Д.) примкнулъ къ революціоннымъ кружкамъ въ 1876 г. Въ Кіевѣ 28 февраля 1878 г. совершилъ покушеніе на жизнь тов. прок. Котляревскаго, весной 1879 г. былъ арестованъ и 6—7 мая Кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни (по дѣлу его приговорены къ каторгѣ Софья Лешернъ и Иннокентій Волошенко). 14 мая онъ былъ повѣшенъ вслѣдъ за приговоренными судомъ 5-го мая Антоновымъ и Брандтнеромъ (за вооруженное сопротивленіе при арестѣ); ему не завязали глазъ, и передъ казнью онъ былъ подвергнутъ пыткѣ видѣть насильственную смерть товарищей. Самъ онъ скончался въ страшныхъ мукахъ: петля была надѣта такъ, что при паденіи скамьи голова склонилась въ сторону и веревка пришлась около уха. На мѣстѣ казни было арестовано тридцать человѣкъ и между ними многіе только за то, что плакали. Нѣсколько солдатъ и офицеровъ, находившихся въ строю, упали безъ чувствъ.

(См. „Листокъ Земли и Воли“, 1906 г. № 5 и „Послѣднія слова казненныхъ“, 1906 г.).

вамъ сдѣлать. Да еще: не тратьте даромъ вашей *дорогой* крови! и то—все берутъ и берутъ"...

„...Мы не сомнѣваемся въ томъ, что ваша дѣятельность *теперь* будетъ направлена въ *одну* сторону. Еслибъ даже вы и не написали объ этомъ, то мы и сами могли бы это вывести. Ни за что болѣе, по-нашему, партія физически не можетъ взяться. Но для того, чтобы серьезно повести дѣло террора, вамъ необходимы люди и средства"...

„Больше, кажется, нечего писать о дѣлахъ.

Такъ и рвешься броситься въ теорію—да руки коротки, и торопишься, и все такое прочее.

Дай же вамъ Богъ, братья, всякаго успѣха!

Это единственное наше желаніе передъ смертью. А что вы умрете и, быть можетъ, очень скоро, и умрете съ неменьшей беззавѣтностью, чѣмъ мы,—въ этомъ мы ничуть не сомнѣваемся. Наше дѣло *не можетъ* никогда погибнуть—эта-то увѣренность и заставляетъ насъ съ такимъ презрѣніемъ относиться къ вопросу о смерти. Лишь бы жили вы, а если ужъ придется вамъ умирать, то умерли бы производительнѣе насъ. Прощайте и прощайте!...

Поцѣлуйте отъ меня всѣхъ моихъ товарищей и знакомыхъ, здѣшнихъ и заграничныхъ, кто только не забылъ меня. Многіе имѣли противъ меня (хотя въ большинствѣ въ силу недоразумѣнія) кое-что; пусть хоть теперь позабудутъ старые счеты. Я же ни къ кому не уношу въ могилу вражды.

Ты просилъ, В., нашихъ біографій. Зачѣмъ, братъ! Если понадобится, то и безъ насъ ихъ могутъ составить. А вообще пусть забываютъ насъ, лишь бы самое дѣло не заглохло.

Прощайте же, друзья-товарищи дорогіе, не поминайте лихомъ. Крѣпко, крѣпко, отъ всей души обнимаю васъ и жму до боли ваши руки въ послѣдній разъ...

Вашъ Валеріанъ.

Мою сестренку сейчасъ по выходѣ ея изъ тюрьмы со свиданія арестовали и выслали".

14 апрѣля 1879 г.

Изъ рѣчи А. А. Квятковскаго *).

„Критическое отношеніе къ своей дѣятельности, анализъ фактовъ и наблюденій, почерпнутыхъ изъ хожденія въ народъ, послужили къ выработкѣ новой программы дѣятельности, основанной уже не на данныхъ теоретическаго характера, а живыхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ жизнью народа. Вотъ на этихъ-то твердыхъ началахъ и была основана „народническая“ программа и образована „народническая“ партія. Я изложу теперь существенныя черты этой программы, такъ какъ партія Народной Воли, къ которой я имѣю честь принадлежать, образовалась внесеніемъ въ нее нѣкоторыхъ измѣненій. Основное начало этой программы слѣдующее: каждая историческая эпоха должна ставить себѣ тѣ задачи, которыя осуществимы, хотя, быть можетъ, онѣ и не идеальны, хотя, быть можетъ, и не совершенны будутъ тѣ общественныя формы, которыя заключаютъ въ себѣ эти задачи. Какъ-бы ни была сильна партія, она не въ состоя-

*) Александръ Александровичъ Квятковскій казненъ въ одно время съ Андреемъ Корнѣевичемъ Прѣсняковымъ 4 ноября 1880 г. Дѣло ихъ (процессъ 16-ти) разбиралось 25—30 октября 1880 г. военно-окружнымъ судомъ въ Петербургѣ; изъ остальныхъ подсудимыхъ 12 были приговорены къ каторгѣ (въ числѣ ихъ были Е. Н. Фигнеръ и С. А. Иванова) и двое на поселеніе. Съ марта 1879 г. А. А., какъ членъ Исполнительнаго Комитета, поселяется въ Петербургѣ. Здѣсь онъ принимаетъ участіе въ покушеніи на жизнь Александра II, совершенномъ А. К. Соловьевымъ 2 апрѣля 1879 г.; принимаетъ участіе въ попыткѣ освободить Войнаральскаго; съ однимъ изъ товарищей успѣшно освобождаетъ изъ тюрьмы А. К. Прѣснякова. Замѣчательно разнообразна его дѣятельность, какъ пропагандиста въ до-петербургскій періодъ жизни: сынъ сибирскаго золотопромышленника, студентъ Технологическаго института, онъ появляется въ качествѣ хозяина слесарной мастерской въ Тульской губ., простымъ рабочимъ механическаго завода въ Костромской губ., въ Нижегородской губ. поступаетъ батракомъ на земледѣльческую ферму, идетъ по Поволжью деревенскимъ торговцемъ, офеней ходитъ по Воронежской губ.

(См. „Народная Воля“, 1906 г. № 4, „Былое“ № 3 и „Послѣднія слова казненныхъ“, 1906 г.).

ніи измѣнить то народное міровоззрѣніе, которое сложилось вѣковой жизнью. Поэтому партія должна поставить себѣ цѣлью осуществленіе тѣхъ желаній, тѣхъ стремленій, которыя уже существуютъ въ народѣ. Средствомъ къ осуществленію поставленной цѣли служитъ заселеніе болѣе или менѣе значительнаго района, смотря по средствамъ партіи, съ цѣлью сдѣлаться, такъ сказать, гражданиномъ этой мѣстности, пріобрѣсти себѣ довѣріе и уваженіе народа и вызвать его на активное заявленіе своихъ нуждъ и потребностей... какъ на почвѣ легальной, такъ и нелегальной. Средства, которыя я обозначилъ, собственно должны быть названы подготовительными, потому что въ концѣ-концовъ осуществленіе народныхъ идеаловъ можетъ произойти только посредствомъ народнаго возстанія... Вотъ существенныя черты народнической партіи... Теперь укажу и на сущность основанія нашей программы, а вы, гг. судьи, будете имѣть возможность сравнить обѣ и опредѣлить характерныя черты, послужившія основаніемъ для раздѣленія народнической партіи. Насъ давно называютъ анархистами, но это совершенно невѣрно. Въ своихъ практическихъ задачахъ мы никогда не отрицали государства вообще. Мы отрицаемъ только данную форму государственной организаціи, какъ такую, которая блюдетъ интересы только незначительной части общества—интересы капиталистовъ, землевладѣльцевъ, чиновничества и пр.—и служитъ главной причиной даннаго бѣдственнаго положенія народа. Мы утверждаемъ, что государство, напротивъ, должно служить интересамъ большинства, т.-е. народа, что можетъ быть исполнено только при передачѣ власти народу, при участіи въ государственной жизни самого народа. Отсюда уже ясна и практическая постановка задачи: требованіе передачи власти въ руки народа, которое можетъ формулироваться или требованіемъ Учредительнаго Собранія, или иного какого-либо учрежденія".

„... Я не думаю утверждать, чтобы въ нашей программѣ не отводилось никакого мѣста террору. Нѣтъ, этотъ отдѣлъ дѣятельности существуетъ. Но онъ составляетъ второстепенную, если не третьестепенную, часть этой программы... имѣетъ въ виду защиту и охраненіе членовъ партіи, а не достиженіе цѣлей ея... Чтобы сдѣлаться тигромъ, не надо быть имъ

по природѣ. Бываютъ такія общественныя состоянія, когда агнецы становятся ими. Но такое, конѣчно, временное превращеніе ихъ вызываетъ одна только необходимость, и такою необходимостью фатально, неизбѣжно вызваны эти тяжелыя для всѣхъ, — я думаю также и для насъ, — событія — политическія убійства. Они вызваны страшнымъ, жестокимъ отношеніемъ правительства къ намъ — революціонерамъ; они вызваны массою загубленныхъ молодыхъ силъ по разнымъ тюрьмамъ, въ централкахъ, на каторгѣ; они вызваны казнями десятковъ нашихъ товарищей; они вызваны исключительными, анормальными, спеціально только къ намъ, революціонерамъ, примѣненными законами. Полная невозможность какой-бы то ни было общественной дѣятельности на пользу народа, полная невозможность пользоваться сколько-нибудь свободой своихъ убѣжденій, свободно жить и дышать, — все это заставило русскихъ революціонеровъ, русскую молодежь, по своимъ наклонностямъ самую гуманную, самую человѣчную, пойти на такія дѣла, которыя по самому существу своему противны природѣ человѣка. Всякая молодежь, особенно русская, всегда стремилась и будетъ стремиться къ свободѣ, какъ листья растеній повертываются къ солнцу. Но отношеніе правительства къ ней связываетъ ее по рукамъ и ногамъ въ ея человѣческихъ стремленіяхъ. Что же ей дѣлать? Отказаться отъ своихъ убѣжденій она не можетъ. Остается одно: смерть или попытка защитить себя, сбросить тѣ цѣпи, тѣ узы, которыя связываютъ ее въ стремленіи удовлетворить самыя законныя человѣческія потребности. Въ этомъ заключается только реакція природы противъ давленія. Такъ лучше смерть въ борьбѣ, чѣмъ нравственное или физическое самоубійство“.

Рѣчь А. И. Желябова *).

„Гг. судьи, дѣло всякаго убѣжденнаго дѣятеля дороже ему жизни. Дѣло наше здѣсь было представлено въ болѣе извращенномъ видѣ, чѣмъ наши личныя свойства. На насъ, подсудимыхъ, лежитъ обязанность, по возможности, представить цѣль и средства партіи въ настоящемъ ихъ видѣ. Обвинительная рѣчь, на мой взглядъ, сущность нашихъ цѣлей и средствъ изложила совершенно неточно. Ссылаясь на тѣ же самые документы и вещественныя доказательства, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ обвинительную рѣчь, я постараюсь это доказать. Программа рабочихъ послужила основаніемъ для г. прокурора утверждать, что мы не признаемъ государственнаго строя, что мы—безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текстъ этой программы рабочихъ, говорю, что мы—государственники, не анархисты. Анархисты—это старое обвиненіе. Мы признаемъ, что правительство всегда будетъ, что государственность неизбѣжно должна существовать, поскольку будутъ существовать общіе интересы.

Я буду разбирать по пунктамъ обвиненіе. Мы не анархисты, мы стоимъ за принципъ федеральнаго устройства государства, а какъ средства для достиженія такого строя—мы рекомендуемъ очень опредѣленныя учрежденія. Можно ли насъ считать анархистами.

Обвинитель дѣлаетъ отвѣтственными за событіе 1-го марта не только наличныхъ подсудимыхъ, но и всю партію, считаетъ самое событіе логически вытекающимъ изъ цѣлей и средствъ, о какихъ партія заявляла въ своихъ печатныхъ органахъ.

Для насъ въ настоящее время отдѣльные террористическіе факты занимаютъ только одно изъ мѣстъ въ ряду другихъ задачъ, намѣчаемыхъ ходомъ русской жизни. Я говорилъ о цѣляхъ партіи. Теперь я скажу о средствахъ. Я желалъ бы предпослать прежде маленькій историческій

*) Андрей Ивановичъ Желябовъ казненъ 3 апрѣля 1881 г. (дѣло 1 марта). (См. „Процессъ 1 марта“, 1905 г., „Былое“, 1906 г. № 3 и „Послѣднія слова казненныхъ“, 1906 г.).

очеркъ, слѣдуя тому пути, которымъ шелъ прокуроръ. Всякое общественное явленіе должно быть познаваемо по его причинамъ, и чѣмъ сложнѣе и серьезнѣе общественное явленіе, тѣмъ взглядъ на прошлое долженъ быть глубже. Чтобы понять ту форму революціонной борьбы, къ какой прибѣгаетъ партія въ настоящее время, нужно познать это настоящее въ прошедшемъ партіи, а это прошедшее имѣется: немногочисленно оно годами, но очень богато опытомъ. Если вы, гг. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность—розовая, мечтательная—и если она прошла, то не мы тому виною...

Мы, переиспытавъ разные способы дѣйствовать на пользу народу, въ началѣ семидесятыхъ годовъ избрали одно изъ средствъ, именно положеніе рабочаго человѣка, съ цѣлью мирной пропаганды соціалистическихъ идей. Движеніе—крайне безобидное по средствамъ своимъ, и чѣмъ оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленныя преграды, которыя встрѣтило въ лицѣ тюремъ и ссылокъ. Движеніе совершенно безкровное, отвергающее насиліе, не революціонное, а мирное—было подавлено. Я принималъ участіе въ этомъ самомъ движеніи, и это участіе поставлено мнѣ прокуроромъ въ вину. Я желаю выяснить характеръ движенія, за которое несу въ настоящее время отвѣтъ.

Я хочу сказать, что въ 1873, 1874 и 1875 годахъ я еще не былъ революціонеромъ, какъ опредѣляетъ прокуроръ, такъ какъ моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду соціалистическихъ идей. Я насилія въ то время не признавалъ, политики касался я весьма мало, товарищи—еще меньше. Въ 1874 г. въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы въ то время были дѣйствительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. Въ рѣчи его есть много вѣрнаго. Но вѣрность такова: въ отдѣльности взятое, частичками—правда, но правда взята изъ разныхъ періодовъ времени, и затѣмъ составлена изъ нея комбинація совершенно произвольная, отъ которой остается одинъ только кровавый туманъ...

Я говорю, что всѣ мои желанія были дѣйствовать мирнымъ путемъ въ народѣ, тѣмъ не менѣе я очутился въ тюрьмѣ, гдѣ и революціонизировался. Я перехожу ко второму періоду соціалистическаго движенія. Этотъ періодъ начинается... Но, по всей вѣроятности, я долженъ буду отказаться отъ мысли принципіальной защиты и, вѣроятно, закончу рѣчь просьбою къ первоприсутствующему такого содержанія: чтобы рѣчь прокурора была отпечатана съ точностью. Такимъ образомъ, она будетъ отдана на судъ общественный и судъ Европы. Теперь я сдѣлаю еще попытку. Непродолжительный періодъ нахожденія нашего въ народѣ показалъ всю книжность, все доктринерство нашихъ стремленій. Съ другой стороны убѣдилъ, что въ народномъ сознаніи есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ до поры до времени слѣдуетъ остановиться. Считая, что при тѣхъ препятствіяхъ, какія ставило правительство, невозможно провести въ народное сознаніе соціалистическіе идеалы цѣлостью, соціалисты перешли къ народникамъ... Мы рѣшились дѣйствовать во имя сознанныхъ народомъ интересовъ—уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ и держалось почвы — это основная черта народничества. Дальше. Такимъ образомъ измѣнился характеръ нашей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства борьбы, — пришлось отъ слова перейти къ дѣлу. Вмѣсто пропаганды соціалистическихъ идей выступаетъ на первый планъ агитаціонное возбужденіе народа во имя интересовъ, присущихъ его сознанію. Вмѣсто мирнаго слова, мы сочли нужнымъ перейти къ фактической борьбѣ. Эта борьба всегда соотвѣтствуетъ количеству накопленныхъ силъ. Прежде всего ее рѣшились пробовать на мелкихъ фактахъ. Такъ дѣло шло до 1878 г. Въ 1878 г. впервые, насколько мнѣ извѣстно, явилась мысль о борьбѣ болѣе радикальной, явились помыслы разсѣчь Гордіевъ узелъ, такъ что событіе 1-го марта по замыслу нужно отнести прямо къ зимѣ 1877—1878 гг. Въ этомъ отношеніи 1878 г. былъ переходный, что видно изъ документовъ, напримѣръ, брошюра: „Смерть за смерть“. Партія не уяснила еще себѣ вполнѣ значенія политическаго

строя въ судьбахъ русскаго народа, и хотя всѣ условія наталкивали ее на борьбу съ политическою системою...

Все толкало меня въ томъ числѣ на борьбу съ правительственною системой. Тѣмъ не менѣе, я еще лѣтомъ 1878 года находился въ деревнѣ, дѣйствуя въ народѣ. Въ зиму 1878—79 года положеніе вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 года была проведена мною на югѣ въ заботахъ, относившихся прямо къ этого рода предпріятіямъ. Я зналъ, что въ другихъ мѣстахъ товарищи озабочены тѣмъ же, въ особенности на сѣверѣ; что на сѣверѣ этотъ вопросъ даже породилъ расколъ въ тайномъ обществѣ, въ организаціи „Земля и Воля"; что часть этой организаціи ставитъ себѣ именно тѣ задачи, какъ и я съ нѣкоторыми товарищами на югѣ. Отсюда естественно сближеніе, которое перешло на липецкомъ съѣздѣ въ сліяніе. Тогда сѣверяне, а затѣмъ часть южанъ, собравшись въ лицѣ своихъ представителей на съѣздѣ, опредѣлили новое направленіе. Рѣшенія липецкаго съѣзда были вовсе не такъ узки, какъ здѣсь излагалось въ обвинительной рѣчи...

Я участвовалъ на липецкомъ съѣздѣ. Рѣшенія этого съѣзда опредѣлили рядъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе и за участіе въ которыхъ я состою въ настоящее время на скамьѣ подсудимыхъ. Поскольку я принималъ участіе въ этихъ рѣшеніяхъ, я имѣю право касаться ихъ. Я говорю, что намѣчена была задача не такая узкая, какъ говоритъ прокуроръ: повтореніе покушеній и, въ случаѣ неудачи,—совершеніе удачнаго покушенія во что бы то ни стало. Задачи, на липецкомъ съѣздѣ поставленныя, были вовсе не такъ узки. Основное положеніе было такое, что соціально-революціонная партія,—и я въ томъ числѣ, это мое убѣжденіе,—должна дѣлить часть своихъ силъ на политическую борьбу. Намѣченъ былъ и практическій путь: это путь насильственнаго переворота путемъ заговора, для этого—организація революціонныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ я лично не видѣлъ надобности въ крѣпкой организаціи. Въ числѣ прочихъ соціалистовъ я считалъ возможнымъ дѣйствовать, опираясь по преимуществу на личную иниціативу, на личную предпріимчивость, на личное умѣніе. Оно и понятно. Задача была такова:

уяснить сознаніе возможно большаго числа лицъ, среди которыхъ живешь; организованность была нужна только для полученія такихъ средствъ, какъ книжки, и доставка ихъ изъ-за границы, печатаніе ихъ въ Россіи было также организовано. Все дальнѣйшее не требовало особой организованности. Но разъ была поставлена задача насильственнаго переворота, задача, требующая громадныхъ организованныхъ силъ,—мы и я, между прочимъ, озаботились созиданіемъ этой организаціи въ гораздо большей степени, чѣмъ покушенія. Послѣ липецкаго съѣзда, при такомъ взглядѣ на надобность организаціи, я присоединился къ организаціи, въ центрѣ которой сталъ исполнительный комитетъ, и содѣйствовалъ расширенію этой организаціи; въ его духѣ я старался вызвать къ жизни организацію единую, централизованную, состоящую изъ кружковъ автономныхъ, но дѣйствующихъ по одному общему плану, въ интересахъ одной общей цѣли. Я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цѣль моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работалъ для этой цѣли путемъ мирнымъ и только затѣмъ былъ вынужденъ перейти къ населенію. По своимъ убѣжденіямъ я оставилъ бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своихъ идей, мирной организаціи своихъ сторонниковъ. Въ своемъ послѣднемъ словѣ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я сказалъ бы еще слѣдующее: мирный путь возможенъ; отъ террористической дѣятельности я, напримѣръ, отказался бы, если бы измѣнились внѣшнія условія...“

Послѣднее слово А. И. Желябова.

„Я имѣю сказать только одно: на дознаніи я былъ очень кратокъ, зная, что показанія, данныя на дознаніи, служатъ лишь цѣлямъ прокуратуры, а теперь я сожалѣю и о томъ, что говорилъ здѣсь, на судѣ.—Больше ничего“.

Послѣднее слово Н. И. Кибальчича *).

„О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1-го марта я говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ предоставленнымъ, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ соціалистовъ, признаю право каждаго на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія лишеніе жизни человѣка,—и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія,—является вещью ужасною Г. прокуроръ въ своей рѣчи, блестящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательно прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другую; онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію лицами, проповѣдующими терроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственныя дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что онѣ насильственныя. Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилію и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно,—мирное рѣшеніе вопроса.

Г. прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существенныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора и именно за тѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ что я вынесъ. Произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ; этому осадку нечего было дѣлать, и, чтобы изобрѣсти дѣло, этотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе

*) Николай Ивановичъ Кибальчичъ казненъ 3 апрѣля 1881 г. (дѣло 1 марта). (См. „Былое“, 1906 г. № 3, „Процессъ 1 марта“, изд. 1905 г. и „Николай Ивановичъ Кибальчичъ“,—ред. Ф. Дѣдова и др., 1906 г.).

г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись; какъ вѣрное для этого средство, имъ указывается на то, чтобы не давать никакихъ послабленій, чтобы карать и карать; но, къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуроромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату".

Послѣднее слово С. Л. Перовской *).

„Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить,—я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненія меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженіи къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возражать и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ въ насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости".

Послѣднее письмо С. Л. Перовской.

„Дорогая моя, неоцѣненная мамуля! Меня все давитъ и мучаетъ мысль, что съ тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя изъ-за меня, побереги себя ради всѣхъ окружающихъ тебя и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встрѣчаю ее, такъ какъ давно знала и ожидала, что, рано или поздно, а такъ будетъ. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила такъ, какъ подсказывали мнѣ мои убѣжденія; поступать же противъ нихъ я была не въ состояніи; поэтому со спокойной совѣстью ожидаю все, предстоящее мнѣ. И единственно, что тяжелымъ гнетомъ

*) Софья Львовна Перовская казнена 3 апрѣля 1881 г. О ней см. „Былое", 1906 г. № 3, Степнякъ „Подпольная Россія", В.. въ—„Женщины на эшафотѣ", 1907 г. и „Софья Львовна Перовская",—ред. Ф. Дѣдова и др., 1906 г.

лежитъ на мнѣ,—это твое горе, моя неоцѣненная; это одно меня терзаетъ, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большіе, для которыхъ для всѣхъ ты нужна, какъ великая своей нравственной силой. Я всегда отъ души сожалѣла, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь; но во всякія минуты колебанія твой образъ меня всегда поддерживалъ. Въ своей глубокой привязанности къ тебѣ я не стану увѣрять, такъ какъ ты знаешь, что съ самаго дѣтства ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Безпокойство о тебѣ было для меня всегда самымъ большимъ горемъ. Я надѣюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебѣ причиняю, и не станешь меня сильно бранить: твой упрекъ единственно для меня тягостный.

Мысленно крѣпко и крѣпко цѣлую твои ручки и на колѣняхъ умоляю не сердиться на меня. Мой горячій привѣтъ всѣмъ роднымъ. Вотъ и просьба къ тебѣ есть, дорогая мамуля: купи мнѣ воротничекъ и рукавчики съ пуговками, потому запонокъ не позволяютъ носить, и воротничекъ поуже, а то нужно для суда хоть нѣсколько поправить свой костюмъ: тутъ онъ очень разстроился. До свиданья же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучь себя изъ-за меня; моя участь вовсе не такая плачевная, и тебѣ изъ-за меня горевать не стоитъ.

Твоя Соня".

22 Марта 1881 г.

Изъ послѣдняго слова Н. Е. Суханова на судѣ *).

„Въ 1880 году я былъ назначенъ завѣдывать электрической выставкой въ Петербургѣ. Въ это время я сошелся

*) Николай Евгеньевичъ Сухановъ, лейтенантъ флота, казненъ 19 февраля 1882 г. въ Кронштадтѣ. Н. Е.—сынъ врача, уроженецъ г. Риги; до 1880 г. состоялъ минныммъ офицеромъ на разныхъ судахъ Балтійскаго флота и Сибирской флотиліи. Въ 1880 г. былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу для слушанія лекцій въ СПБ. Университетѣ, аре-

съ соціально-революціонной партіей, къ которой теперь и принадлежу. Я не теоретикъ, я не вдавался въ разсужденія, почему необходимъ другой государственный строй, а не настоящій, только я чувствовалъ, что жить теперь просто не стоитъ, слишкомъ гадко; всѣ правительственныя сферы, все испорчено, всѣ основы подгнили. Вопросъ династическій былъ совершенно чуждъ мнѣ, какъ чуждъ онъ и соціалистамъ. Кто бы ни былъ на престолѣ—это рѣшительно безразлично,—пусть будетъ какая-нибудь возможность жить и народу и мыслящему классу. А жить становится невозможно. Всѣмъ честнымъ людямъ, видящимъ, какъ грабятъ народъ, какъ его эксплоатируютъ и какъ печать молчанія наложена на уста всѣмъ, хотящимъ сдѣлать что-нибудь полезное для блага родины,—всѣмъ было тяжело. И такое тяжелое положеніе могло длиться еще долгіе годы. Губились тысячи людей интеллигенціи, народъ пухнулъ отъ голода, а между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ только и раздавалась казенная фраза: „все обстоитъ благополучно“. Небольшая клика губернаторовъ, жандармовъ и всевозможнаго рода казнокрадовъ развратничала, пировала и губила государство. И я принесъ свои знанія на пользу террористической партіи, въ успѣшной дѣятельности которой я видѣлъ залогъ обновленія государства“.

Рѣчь И. Н. Мышкина *).

„Я признаю себя членомъ не сообщества, а соціально-революціонной партіи, и прошу позволенія объяснить, въ

стованъ 16 декабря 1881 г.; судился (процессъ 20-ти) въ Особомъ Присутствіи Сената 8—15 февраля 1882 г. по обвиненію въ участіи въ подкопѣ на Малую Садовую ул., въ изготовленіи снаряда для взрыва мины подъ улицей и въ изготовленіи «метательныхъ снарядовъ, послужившихъ орудіями цареубійства». (См. „Былое“, 1906 г. № 1, „Вольное слово“ № 34 и „Послѣднія слова казненныхъ“, 1906 г.).

*) Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ сынъ „николаевскаго солдата“. Былъ въ „кантонистской“ школѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ межевомъ училищѣ. Открылъ въ Москвѣ типографію, которая въ 1874 г. была арестована; самъ же онъ скрылся и отправился въ Сибирь съ цѣлью освободить Чернышевскаго, находившагося въ Вилюйскѣ. Попытка

чемъ именно заключается преступленіе, которое я, по собственному моему сознанію, совершилъ противъ русскихъ государственныхъ законовъ...

Я не могу признать себя членомъ тайнаго сообщества, потому что я и товарищи мои—товарищи не только по заключенію, но и по убѣжденіямъ—не представляемъ нѣчто обособленно-цѣлое, связанное единствомъ внѣшней, общей для всѣхъ организаціи. Мы составляемъ лишь частицу многочисленной въ настоящее время на Руси соціально-революціонной партіи, понимая подъ этимъ словомъ всю массу лицъ одинаковыхъ съ нами убѣжденій,—одинаковыхъ, конечно, только вообще, а не въ частностяхъ,—лицъ, между которыми существуетъ, хотя преимущественно только внутренняя связь, однако связь достаточно реальная, обусловливаемая единствомъ цѣлей и большимъ или меньшимъ однообразіемъ средствъ практической дѣятельности. Основная задача соціально-революціонной партіи установить на развалинахъ теперешняго государственно-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ крупныхъ и мелкихъ движеніяхъ народныхъ и повсемѣстно присущихъ народному сознанію,—составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи. Строй этотъ—земля, состоящая изъ союза независимыхъ

ета окончилась неудачно. Мышкинъ оказалъ вооруженное сопротивленіе, былъ арестованъ и въ 1876 г. привезенъ въ Петербургъ. Судился въ числѣ подсудимыхъ въ процессѣ 193-хъ и приговоренъ къ 10-лѣтней каторгѣ. Въ 1881 г., въ Иркутскѣ, за рѣчь на похоронахъ Дмоховскаго, умершаго на пути изъ „централки“ въ Карійскіе рудники, Мышкину прибавлено 10 лѣтъ каторги. Въ маѣ 1882 г. бѣжалъ съ Кары съ 7 политическими каторжанами. Черезъ два мѣсяца во Владивостокѣ былъ арестованъ и 6 іюня отправленъ въ Шлиссельбургъ (въ одно время съ нимъ: Щедринъ, Геллисъ, Кобылянскій, Малавскій, Поповъ, Юрковскій, Орловъ, Волошенко, Крыжановскій, троихъ послѣднихъ вернули: Орлова и Волошенка—на Кару, Крыжановскаго—на Сахалинъ). Въ 1885 г. разстрѣлянъ въ Шлиссельбургѣ за непокорность тюремному начальству. М. Р. Поповъ на крышкѣ стола въ камерѣ И. Н. Мышкина впослѣдствіи прочелъ: „26 января—я, Мышкинъ, казненъ“. „Очевидно надпись сдѣлана за часы, быть можетъ, за минуты до смерти“. (См. Е. Брешко-Брешковская,—„Ипполитъ Мышкинъ и Архангельскій кружокъ“, 1906 г., также „Былое“, 1906 г., № 2 и „Послѣднія слова казненныхъ“, 1906 г).

производительныхъ общинъ. Осуществленъ онъ можетъ быть только путемъ соціальной революціи, потому что государственная власть преграждаетъ всѣ мирные пути для достиженія этой цѣли и добровольно никогда не откажется отъ насильственно присвоенныхъ ею себѣ правъ. Въ этомъ намъ ручается весь ходъ исторіи. Возможно ли мечтать о мирномъ пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочетъ даже и выслушать этого голоса и за всякое стремленіе, несогласное съ видами ея, награждаетъ тюрьмой и каторгой? Возможно-ли мирное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ соотвѣтственно народнымъ потребностямъ, когда народъ, не только для осуществленія своихъ желаній, но даже и для выраженія ихъ не имѣетъ другого средства, кромѣ бунта—этого единственнаго органа народной гласности... Едва ли эта мысль нуждается въ подстрочномъ примѣчаніи...

Весьма важно выяснить, почему мы смотримъ на революцію, какъ на единственно возможный исходъ изъ настоящаго положенія...

Я полагаю, что для суда весьма важно знать, какъ мы относимся къ революціи, т. е. предполагаемъ ли мы, что наша партія должна, во что бы то ни стало, немедленно вызвать, создать революцію, или только позаботиться объ успѣшномъ исходѣ ея; предполагается ли немедленное осуществленіе революціи, или въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ,—отъ этого будетъ зависѣть опредѣленіе моей виновности съ точки зрѣнія государственныхъ законовъ...

Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не въ томъ, чтобы вызвать, создать революцію, а въ томъ, чтобы только гарантировать успѣшный исходъ ея, потому что не нужно быть пророкомъ, чтобы при нынѣшнемъ отчаянно-бѣдственномъ положеніи народа предвидѣть, какъ неизбѣжный результатъ этого положенія,—всеобщее народное возстаніе. Въ виду неизбѣжности этого возстанія, нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно болѣе продуктивно для народа и, главное, предостеречь его отъ всѣхъ фокусовъ, которыми западно-европейская буржуазія обманывала тамошнюю народную массу и одна извлекала для себя выгоды изъ народной крови, пролитой на баррикадахъ.

Ради этой цѣли наша практическая дѣятельность должна состоять въ сплоченіи, въ объединеніи революціонныхъ силъ, революціонныхъ стремленій, въ сліяніи двухъ главныхъ революціонныхъ потоковъ: одного, недавно возникшаго и проявившаго уже порядочную силу—въ средѣ интеллигенціи, и другого, болѣе широкаго, болѣе глубокаго, никогда не изсякавшаго потока—народно-революціоннаго. Въ этомъ объединеніи революціонныхъ элементовъ путемъ окончательнаго сформированія соціально-революціонной партіи и заключалась вся задача движенія 1874—75 гг.. Задача эта, если не вполнѣ, то въ значительной степени выполнена, и знамя соціальной революціи водружено во всѣхъ концахъ русской земли. Прибавлю къ этому, что въ только что сказанныхъ мною словахъ я указалъ лишь на центръ нашей дѣятельности, и что въ массѣ участвовавшихъ въ послѣднемъ движеніи были лица, стоящія на различныхъ ступеняхъ революціоннаго развитія, начиная съ тѣхъ, кто дѣлалъ первые шаги по пути уясненія причинъ народныхъ страданій, и кончая отдѣльными личностями, дѣлавшими попытки организаціи силъ нашей партіи. При всемъ различіи взглядовъ по другимъ вопросамъ, приверженцы соціальной революціи сходятся въ одномъ: что революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ при сознаніи имъ, во имя чего она совершается; другими словами: настоящій государственный строй долженъ быть ниспровергнутъ только тогда, когда пожелаетъ этого самъ народъ. Слѣдовательно, если правительство солидарно съ народомъ, оно не можетъ насъ считать злоумышленниками. Можно ли указать, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говоритъ: мы хотимъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ, сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого свою посильную помощь,—и да будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ. Вѣдь, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ни тюремъ, ни военныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ предпріятій, закабаляющихъ тысячи рабочаго люда. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ насиловать народную волю въ пользу излюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣжденіемъ. Всѣ средства насилія находятся

въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками. Если же, несмотря на крайне неблагопріятныя для насъ условія, правительство все-таки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то, значитъ, мы не ошибаемся, разсчитывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ; но въ такомъ случаѣ мы—не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ...

Объяснивъ въ краткихъ словахъ цѣль и средства соціально-революціонной партіи, я перехожу къ слѣдующему не менѣе важному вопросу о причинахъ возникновенія и развитія этой партіи вообще и движенія 1874 г. въ частности. Въ обвинительномъ актѣ все это дѣло представлено такимъ образомъ, что были-де на Руси обломки прежнихъ политическихъ сообществъ, была еще русская эмиграція въ Швейцаріи, явилось еще нѣсколько энергичныхъ личностей и по слову ихъ: „Да будетъ революціонное движеніе на Руси!"—создалось таковое по всему лицу земли русской. А такъ какъ обломки преступныхъ сообществъ и эмиграція давно существовали и всегда будутъ существовать до окончанія нынѣшняго государственнаго строя, то оказывается, что движеніе, подобное нынѣшнему, было вызвано и всегда можетъ быть вызвано по произволу 3—4 лицами. Конечно, ни одинъ мыслящій человѣкъ, сколько-нибудь понимающій причины соціальныхъ явленій, не удовлетворится подобнымъ прокурорскимъ объясненіемъ. Для крупнаго соціальнаго явленія должны быть крупныя соціальныя причины. Нужно особенное недомысліе или особенная недобросовѣстность, чтобы называть искусственно созданными революціонныя движенія въ средѣ интеллигенціи...

Движенія эти не созданы искусственно. Изучая ихъ, мы прежде всего замѣчаемъ тотъ знаменательный фактъ, что всѣ движенія въ интеллигенціи соотвѣтствуютъ параллельнымъ движеніемъ въ народѣ и даже являются простыми отголосками послѣднихъ; такъ что движенія народа и интеллигенціи представляютъ какъ бы два параллельныхъ потока, стремящихся слиться въ общее русло, уничтоживъ раздѣляющую ихъ вѣковую плотину; плотина эта—рознь между интеллигенціей и народомъ, которая сложилась вслѣд-

ствіе вѣковой отчужденности ихъ другъ отъ друга. Первое движеніе интеллигенціи въ началѣ 60-хъ годовъ было отголоскомъ того сильнаго народнаго волненія, которое было во время крестьянской реформы, вслѣдствіе того, что народъ не удовлетворялся этимъ мнимымъ своимъ освобожденіемъ. Это движеніе положило фундаментъ соціально-революціонной партіи. Затѣмъ, ко времени исполненія 10-лѣтія крестьянской реформы въ народѣ стали ходить настойчивые слухи объ уменьшеніи и даже объ уничтоженіи выкупныхъ платежей. Слухи эти хотя не вызвали массы бунтовъ, какъ въ 60-хъ годахъ, но все-таки поддерживали волненіе въ народѣ, и отголоскомъ на это волненіе явилось движеніе интеллигенціи, завершившееся такъ называемымъ Нечаевскимъ процессомъ. Наконецъ, въ наши дни обѣднѣніе народа, истощаемаго непомѣрными платежами и поборами, дошло до того, что нужно быть совершенно глухимъ, чтобы не слышать громкаго ропота народа...

Этотъ ропотъ и вызвалъ движеніе 1873—75 гг., которое было послѣднимъ фазисомъ развитія соціально-революціонной партіи. Эта только что указанная, неотмѣнно существующая связь между революціонными движеніями въ интеллигенціи и въ народѣ легко можетъ ускользнуть отъ вниманія общества по той простой причинѣ, что, благодаря извѣстной практикуемой въ Россіи системѣ гласности, до свѣдѣнія нашего общества доводится преимущественно только о разныхъ мелочахъ; о болѣе же крупныхъ фактахъ народной жизни систематически умалчивается, или же не менѣе систематически извращается. Движенія интеллигенціи не созданы искусственно, а составляютъ только отголосокъ народныхъ волненій. Общество наше въ настоящее время знаетъ только, что былъ судъ и происходитъ судъ надъ нѣсколькими представителями революціоннаго движенія въ средѣ интеллигенціи, и ему можетъ показаться, что это движеніе не имѣетъ подъ собой твердой почвы, не имѣетъ твердой связи съ народомъ, потому что отъ общества скрыты другія, болѣе рѣзкія проявленія революціоннаго духа въ самомъ народѣ; а между тѣмъ въ такихъ проявленіяхъ въ 1873—75 гг. недостатка не было. Не говоря уже о волненіяхъ между уральскими казаками, о которыхъ наше общество имѣетъ

очень скудныя свѣдѣнія, во многихъ другихъ мѣстахъ приходилось прибѣгать къ помощи военныхъ командъ для усмиренія народа; нѣсколько татарскихъ волостей въ Пермской губерніи, раскольники на уральскихъ заводахъ, крестьяне въ Казанской губерніи, въ Воронежской, въ Кіевской...

Мы видимъ теперь, что въ числѣ моихъ товарищей—дѣвушка, намѣревающаяся читать крестьянамъ лекціи по соціальнымъ вопросамъ, юноша, давшій книгу крестьянскому мальчику, нѣсколько человѣкъ, разсуждающихъ о причинахъ народныхъ страданій и высказавшихъ такое мнѣніе, что не худо-бы, пожалуй, народное возстаніе,—всѣ они привлечены къ суду, какъ тяжкіе преступники. А лица, открыто возмутившіяся противъ государственной власти и усмиренныя только при помощи штыковъ и розогъ, ссылаются административнымъ порядкомъ. Какъ будто бы у насъ говорить о бунтѣ гораздо преступнѣе, чѣмъ участвовать въ самомъ бунтѣ! Этотъ абсурдъ очень понятенъ: представители другой, болѣе страшной для правительства силы, силы народной, могли бы сказать на судѣ слово нѣсколько болѣе полновѣсное, болѣе непріятное для государственной власти и болѣе поучительное для общества, чѣмъ мы. Поэтому-то имъ и зажимаютъ ротъ и не даютъ имъ возможности сказать свое слово передъ обществомъ. Кромѣ бунтовъ, есть еще и другіе, не менѣе значительные факты, доказывающіе усиленіе въ послѣднее время революціонныхъ стремленій въ народѣ, какъ, напримѣръ, распространеніе революціонныхъ сектъ, гдѣ отрицаніе государственной власти возводится въ догматъ: источникъ этой власти именуется антихристомъ, а представители этой власти—слугами антихриста; образованіе въ крестьянской средѣ обществъ съ спеціальною цѣлью уклоненія отъ платежа повинностей безъ всякой религіозной основы, исчезновеніе цѣлыхъ деревень по той же причинѣ, т. е. какъ результатъ стремленія избавиться отъ невыносимыхъ поборовъ...

Возникновеніе соціально-революціонной партіи относится къ началу 60-хъ гг. Оно совершилось, какъ отголосокъ на народныя страданія и народныя волненія, при участіи извѣстной фракціи русской интеллигенціи, благодаря, главнымъ

образомъ, двумъ причинамъ: во—первыхъ, вліянію на интеллигенцію передовой западно-европейской соціалистической мысли и крупнѣйшаго практическаго примѣненія этой мысли—образованія Международнаго Общества Рабочихъ; во—вторыхъ, уничтоженію крѣпостного права, потому что послѣ крестьянской реформы въ средѣ неподатныхъ классовъ образовалась цѣлая фракція, испытавшая на самой себѣ всю силу гнета государственнаго экономическаго строя, готовая откликнуться на зовъ народа и послужившая ядромъ соціально-революціонной партіи. Фракція эта—умственный пролетаріатъ. Кромѣ того, крестьянская реформа оказала три важныя услуги соціально-революціонному дѣлу: 1) съ 19 февраля 1861 г. начинается развитіе капиталистическаго производства съ его неизбѣжнымъ спутникомъ—борьбою между капиталомъ и трудомъ; 2) крестьянская реформа, вмѣстѣ съ другими реформами, послужила для насъ наглядным доказательствомъ истины, которая прежде была намъ извѣстна только изъ книгъ и по чужому опыту, доказательствомъ полной несостоятельности политическихъ реформъ въ дѣлѣ коренного улучшенія народнаго быта. Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ ликованіемъ привѣтствовало русское либеральное общество, такъ называемыя, великія реформы нынѣшняго царствованія!—и что же мы видимъ въ результатѣ? Народъ доведенъ до отчаянно—бѣдственнаго положенія, до небывалыхъ хроническихъ голодовокъ, и не нужно особеннаго политическаго радикализма, чтобы усомниться въ благодѣтельности всѣхъ этихъ реформъ для народной массы; 3) крестьянинъ, освобожденный отъ помѣщика, сталъ лицомъ къ лицу съ представителями губернской власти, увидѣлъ, что ему нечего надѣяться на эту власть, нечего ждать отъ нея, увидѣлъ, что онъ жестоко обманывается, вѣря въ царскую правду, ища въ ней опору противъ своихъ враговъ...

Я хочу только сказать, что крестьянамъ не трудно было убѣдиться, что превозносимая крестьянская реформа сводится къ одному: къ переводу болѣе двадцати милліоновъ крестьянскаго населенія изъ разряда помѣщичьихъ холоповъ въ разрядъ государственныхъ или, вѣрнѣе сказать, чиновничьихъ рабовъ. Какъ прежде крестьянинъ работалъ всю жизнь на помѣщика, такъ теперь весь его трудъ идетъ въ

казну. Какъ прежде помѣщикъ былъ полнымъ властелиномъ жизни и собственности крестьянина, такъ теперь чиновникъ...

Мнѣ необходимо выяснить эту сторону вопроса въ особенности потому, что только тогда судъ поймете, почему я—сынъ крѣпостной крестьянки и солдата, видѣвшій собственными глазами уничтоженіе крѣпостного права,—не только не благословляю правительство, совершившее эту реформу, но стою въ рядахъ отъявленныхъ враговъ его. Когда крестьяне увидали, что ихъ надѣляютъ песками да болотами, да такими клочками земли, на которыхъ немыслимо веденіе хозяйства, сколько-нибудь обезпечивающаго бытъ земледѣльца, а между тѣмъ за эти клочки наложили громаднѣйшіе платежи, превышающіе въ нѣсколько разъ доходность надѣловъ; когда крестьяне увидѣли, что это новое нарушеніе права народа на землю совершается не по произволу помѣщиковъ, а съ утвержденія верховной власти; что въ положеніи 19 февраля нѣтъ той статьи, присутствіе которой они предполагали, которая должна была охранять народные интересы и скрыта, будто бы, духовенствомъ и помѣщиками;—когда они увидѣли все это, то не могли не убѣдиться, что имъ не на кого болѣе надѣяться, какъ на свои собственныя силы. Рядомъ съ этимъ крестьяне, превратившіеся въ орудіе капиталистическаго производства, поняли всю прелесть, такъ называемаго, свободнаго договора между голоднымъ труженикомъ и сытымъ капиталистомъ, поняли также, что капиталистъ угнетаетъ рабочаго не только вслѣдствіе экономической несостоятельности послѣдняго, но еще и благодаря тому, что въ спорахъ между капиталистомъ и рабочимъ правительство всегда становится на сторону перваго,—поняли это и не могли не отнестись съ еще большею ненавистью къ угнетающей ихъ государственной власти...

Мнѣ необходимо указать тѣ элементы, изъ которыхъ соціально-революціонная партія почерпаетъ свои силы. Я сейчасъ кончу это перечисленіе. Послѣ земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ, умственный пролетаріатъ, какъ по своему экономическому положенію, такъ и по своимъ знаніямъ, извлеченнымъ изъ историческаго опыта нашего и другихъ народовъ,—не могъ не стать въ ряды враговъ государственности. Наконецъ, въ эти же ряды стали изъ другихъ

классовъ общества личности, которыя по самой натурѣ своей способны дѣйствовать только во имя извѣстнаго выработаннаго ими идеала, а не для узкихъ, эгоистическихъ цѣлей. Вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ почерпала и до сихъ поръ почерпаетъ свои силы соціально-революціонная партія. Прочнымъ цементомъ, скрѣплявшимъ всѣ революціонные элементы, служитъ крайне бѣдственное положеніе народа и совершенное безправіе россійскихъ гражданъ. Что народъ находится въ очень бѣдственномъ положеніи...

Я не могу не говорить подробно объ этомъ вопросѣ, потому что источникъ всѣхъ революціонныхъ движеній— чрезвычайныя страданія народа и недовольство его своимъ положеніемъ. Притомъ въ обвинительномъ актѣ почти на каждой страницѣ можно найти указанія, что подсудимые напирали главнымъ образомъ на тяжесть податей, на недостатокъ земли, на общее обѣднѣніе крестьянъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣ часто приходится возвращаться къ этому предмету, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе перерывовъ, которымъ я подвергался со стороны г. первоприсутствующаго, я не могу излагать свои соображенія вполнѣ послѣдовательно, систематично.

Изъ обвинительнаго акта видно, что, по увѣренію прокурора, сообщество, въ принадлежности къ которому я обвиняюсь, поставило цѣлью своей дѣятельности: борьбу противъ религіи, собственности, семьи и науки и сулило, въ видѣ ближайшаго осуществленія блага, житье на чужой счетъ. Если бы дѣйствительно подтвердилось, что другіе подсудимые задавались подобными цѣлями, то я руками и ногами открестился бы отъ солидарности съ ними и, чтобы очистить себя отъ подобныхъ обвиненій, я выскажу свой взглядъ на задачу с.-р. партіи по отношенію къ только что перечисленнымъ мною вопросамъ. Начну съ религіи. Въ идеалѣ общественнаго строя, стремиться къ осуществленію котораго я поставилъ цѣлью своей дѣятельности, нѣтъ мѣста уголовнымъ наказаніямъ за распространіе какихъ-бы то ни было зловредныхъ, въ томъ числѣ и религіозныхъ идей, за совращеніе въ ереси, за исполненіе или неисполненіе обрядовъ, предписанныхъ такою-то церковью и т. п. Словомъ, нѣтъ мѣста насилію надъ мыслью и совѣстью; каждый можетъ

вѣрить или не вѣрить во что ему угодно; каждая община, если только пожелаетъ, будетъ имѣть право строить у себя на свой собственный счетъ сколько угодно церквей и содержать сколько угодно поповъ. Никто помѣшать этому не можетъ, ибо община—вполнѣ самостоятельная, вполнѣ независимая устроительница своихъ дѣлъ. Согласно нашему идеалу, не должно быть такой власти, которая принуждена бы подъ страхомъ наказанія лгать, лицемѣрить...

По нашимъ законамъ я, подъ страхомъ уголовнаго наказанія, не могу перейти изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе,—слѣдовательно, законъ принуждаетъ меня лицемѣрить.

По отношенію къ религіи я желалъ одного—полнѣйшей вѣротерпимости, и глубоко убѣжденъ, что свобода слова въ связи съ правильнымъ воспитаніемъ и образованіемъ непремѣнно приведутъ къ торжеству истины, т.-е. къ торжеству научной мысли надъ мыслью теологической, и тогда"...

„Перехожу къ другому обвиненію, взводимому на всѣхъ насъ прокуратурой, въ томъ, что мы возводили невѣжество на степень идеала. Это очевидная клевета, и мнѣ не стоитъ ни малѣйшаго труда опровергнуть ее. Приведу хоть одно соображеніе. Кого скорѣе можно назвать ревнителемъ невѣжества: тѣхъ ли, кто съ рискомъ для себя печатаетъ и распространяетъ хотя-бы такія книги, какъ сочиненіе Лассаля, или тѣхъ, кто преслѣдуетъ, истребляетъ подобныя книги?

Я признаю, что, въ качествѣ содержателя типографіи, я считалъ своею обязанностью, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать печатанію книгъ, запрещенныхъ правительствомъ, и прошу позволенія теперь же объяснить причины, побудившія меня къ этому. Мысль о необходимости печатанія книгъ антиправительственнаго содержанія созрѣвала во мнѣ постепенно, и я рѣшился, наконецъ, осуществить ее только тогда, когда окончательно убѣдился, что у насъ на Руси печать находится въ безотрадно-жалкомъ положеніи, вовсе не соотвѣтствующемъ потребностямъ какъ современнаго образованнаго общества, такъ и въ особенности потребностямъ народа; когда я убѣдился, что у насъ каждый правдивый, неподкрашенный разсказъ изъ жизни трудящагося люда, каждая честно написанная книга, объясняющая дѣй-

ствительныя причины народныхъ страданій, каждая дѣльная статья, указывающая страшныя язвы на русскомъ государственномъ и общественномъ организмѣ,—все это безпощадно преслѣдуется, истребляется, сжигается...*)

Мнѣ остается сдѣлать одно, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моего и моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, того мнѣнія, что, несмотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснить истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимаютъ ротъ подсудимому. Теперь я могу и имѣю право сказать, что это не судъ, а пустая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, позорное, болѣе позорное...**) болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества.“ ***)

---

*) Рѣчь И. Н Мышкина прерывалась вмѣшательствомъ первоприсутствующаго ровно пятьдесятъ разъ; подъ конецъ ему мѣшали чуть не на каждомъ словѣ.

**) При словахъ „пустая комедія“ Петерсъ закричалъ: „уведите его!“ Жандармскій офицеръ бросился на Мышкина, но другіе подсудимые загородили собою дорогу и не пускали на „голгофу“. Оттолкнувъ ихъ, жандармъ одной рукой обхватилъ Мышкина и сталъ тащить его, другой рукой зажималъ ему ротъ, но Мышкинъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ, продолжалъ начатую фразу.

***) На подсудимыхъ набросились жандармы. Произошла сцена безобразнаго насилія. При крикахъ негодованія со стороны публики, истерикѣ женщинъ,—подсудимыхъ выталкиваютъ изъ залы, а вызванная затѣмъ полиція очищаетъ его и отъ публики.

Изъ послѣдняго слова А. И. Ульянова *).

„Мое намѣреніе было — помочь освобожденію несчастнаго русскаго народа, и послѣ насъ явятся новыя сотни молодыхъ людей, которые пойдутъ по нашимъ слѣдамъ и достигнутъ, наконецъ, того, что царь долженъ будетъ измѣнить систему правленія.

Что же гонитъ учащуюся молодежь въ ряды революціоннаго движенія? Широко раскрытыя двери средняго и высшаго образованія и права, связанныя съ ихъ прохожденіемъ, оказываютъ большую привлекательную силу на молодежь всѣхъ слоевъ общества. Съ довѣріемъ и добрыми стремленіями входитъ она въ университеты, но тотчасъ же впадаетъ въ разочарованіе. Такъ называемая, духовная свобода науки на дѣлѣ превращается въ духовную тюрьму; юношескую пылкость, всегда столь впечатлительную, сковываютъ полицейскими предписаніями; самое невинное свободное слово обращается въ преступленіе, за которымъ слѣдуетъ строгое наказаніе. А между тѣмъ пѣнящіяся волны революціоннаго движенія манятъ къ себѣ молодежь своею освѣжающею средою, и она бросается въ нихъ, удовлетворяя потребности высказать свой протестъ противъ существующей системы правленія и убѣжденная достичь рано или поздно перемѣны этой невозможной системы".

За себя и за своихъ товарищей А. И. заявилъ судьямъ, что не боится смерти, „ибо нѣтъ смерти почетнѣе, какъ смерть за благо родины, и она не можетъ испугать честнаго и истиннаго гражданина".

---

*) Александръ Ильичъ Ульяновъ, 20 лѣтъ, былъ приговоренъ къ смертной казни особымъ присутствіемъ Сената съ участіемъ сословныхъ представителей (15—19 апрѣля 1887 года) за покушеніе на жизнь Александра III. Казненъ въ Шлиссельбургской крѣпости 8 мая 1887 года. Тогда же по тому же дѣлу казнены: Генераловъ, Андреюшкинъ, Осипановъ и Шевыревъ.

(См. „Общее дѣло", 1906 г. № 97).

Письма приговоренныхъ къ смертной казни по дѣлу сопротивленія властямъ въ Якутскѣ въ 1889 году *).

I. Письма Н. Л. Зотова.

Ночь 5/6 ав. 1889 г.

„Вотъ ужъ нѣсколько часовъ, какъ я узналъ, дорогіе мои, что часы мои сочтены и, можетъ быть, ихъ не болѣе 24-хъ у меня осталось. О чемъ мнѣ вамъ писать въ послѣдній разъ? О томъ, какъ всей душой любилъ васъ всѣхъ—этого говорить не надо. Чувства свои передать не сумѣю да и тяжело. Поцѣловать васъ всѣхъ, прижать къ самому сердцу крѣпко, крѣпко—вотъ чего бы хотѣлось. Прости меня, папа, простите меня всѣ за то, что я вамъ столько

*) Въ мартѣ 1889 г., въ Якутскѣ, по приказу вице-губернатора Осташкова многихъ ссыльныхъ рѣшено было отправить въ Средне-Колымскъ, несмотря на всю опасность переправъ въ это время. Въ отвѣтъ на заявленіе ссыльныхъ о ихъ желаніи ждать пути, было пущено въ ходъ насиліе. Въ сопротивлявшихся стрѣляли, дѣйствовали противъ нихъ штыками. Во время этой бойни 6 человѣкъ ссыльныхъ убито, и много ранено. Изъ оставшихся въ живыхъ и преданныхъ суду, трое были приговорены къ смертной казни—Левъ Матвѣевичъ Коганъ-Бернштейнъ. Николай Львовичъ Зотовъ и Альбертъ Львовичъ Гаусманъ. Во время бойни въ комнату, гдѣ ссыльные собрались въ ожиданіи отвѣта, ворвались солдаты. Коганъ-Бернштейнъ былъ тяжело раненъ, и въ 5 ч. утра на 7-е ав. густа его вынесли подъ висѣлицу на кровати, тамъ надѣли петлю на голову и кровать вытащили... Зотовъ, выбѣжавъ на крыльцо, подъ пули три раза выстрѣлилъ въ Осташкова. Тѣло его послѣ казни было предано землѣ палачами тайно, и могила его неизвѣстна. На памятникѣ надъ могилою Гаусмана и Коганъ-Бернштейна вырѣзана надпись: „Больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя".

(См. „Народное Дѣло", 1906 г. № 31, „Былое", № 9 и „Послѣднія слова казненныхъ", 1906 г.).

мученій причинялъ и теперь въ послѣдній разъ причиняю. Я знаю, что вы мнѣ это не только прощаете, но и не вините меня. Если-бы я не былъ твердо увѣренъ въ этомъ, мнѣ было бы очень тяжело умереть. Хочу съ этимъ письмомъ, съ послѣднимъ выраженіемъ любви послать вамъ силу, чтобы вы могли вынести это ужасное горе. И опять-таки хочу вѣрить, вѣрю, что эту силу вы найдете въ любви ко мнѣ и въ моей любви. Посылаю вамъ вмѣстѣ со своей любовью, эту силу, которая мнѣ теперь не нужна, которой мнѣ хватитъ на эти нѣсколько часовъ и останется большой избытокъ. Пусть онъ перейдетъ отъ меня ко всѣмъ дорогимъ мнѣ людямъ...

Попрощайтесь отъ меня съ могилкой мамы. Я передъ нею тоже много, много виноватъ. Дорогая моя мама, я знаю, что она мнѣ все простила. Обнимаю васъ всѣхъ, мои дорогіе. Папа, дорогой мой папа! Обними меня, прости меня, въ чемъ я былъ неправъ, поцѣлуй меня! Ты самый дорогой мой папа. Не у многихъ есть такіе отцы-друзья, такіе папы. Крѣпко, крѣпко цѣлую дорогую тетечку. Она мнѣ такая же родная, такая же дорогая, какъ и всѣ вы. Она любила насъ чужими, какъ родныхъ, и всѣ мы ее любили, какъ родную,—она это знаетъ. Тетечка дорогая, цѣлую и обнимаю васъ крѣпко, крѣпко. Знаю, какъ вы будете плакать обо мнѣ.

...Уже ночь давно. Къ утру можно ждать всего. Голова у меня устала и плохо работаетъ. Завтра, если удастся, черкну еще. Цѣлую всѣхъ крѣпко, крѣпко.

Вашъ до гроба *Колька*".

„$^{6}/_{7}$ авг. 3 ч. ночи. На заднемъ дворѣ уже ставятъ при фонаряхъ столбы. Насъ запросто водятъ туда за нуждой (мы эти 2-ое сутокъ сидимъ въ тюремномъ дворѣ на гауптвахтѣ), и видимъ, какъ созидаются намъ висѣлицы. Какая простота нравовъ! Часовъ въ 8 вечера приходилъ ко мнѣ священникъ. Я его отослалъ очень вѣжливо, объяснивъ ему, что, къ сожалѣнію, за этой жизнью не жду ничего больше. Женя *) сейчасъ у меня на послѣднемъ свиданіи. Она видѣла мои послѣднія минуты и опишетъ вамъ ихъ. Мнѣ самому

*) Евгенія Яковлевна Гуревичъ—невѣста Зотова.

это теперь невозможно сдѣлать. Я чувствую себя душевно бодро, свѣтло даже, но и усталость зато чувствую страшную и физическую, и нервную. Вѣдь вотъ уже безъ малаго 2-е сутокъ нервы работаютъ чудовищно. Столько сильныхъ ощущеній! Ну, дорогіе мои, родные мои, сердечные мои, прижимаю васъ въ послѣдній—послѣдній разъ къ груди своей. Я умираю очень и очень легко, съ сознаніемъ правоты, съ чувствомъ силы въ груди. Мнѣ только страшно за остающихся въ живыхъ дорогихъ людей. Что мои страданія—они на нѣсколько часовъ, а имъ-то сколько силы нужно вынести это... Я ни о чемъ другомъ, какъ только объ этомъ, и думать не могу. Какъ посмотрю я не Женю...

Вошелъ конвой, принесли казенную одежду,—и я уже переодѣлся. Сижу въ парусиновой рубахѣ и портахъ и мнѣ страшно холодно (порты и рубаха мокры отъ дождя). Не думайте, что рука дрожитъ отъ волненія. Прощайте, прощайте, дорогіе!

Вашъ до гробовой доски *Коля*".

„Михаилъ Петровичъ **), дорогой мой, сердечный вы мой!.. Крѣпко, крѣпко прижимаю васъ къ сердцу. Цѣлую, обнимаю всѣхъ, всѣхъ, товарищи, братья!

Всѣ вы мнѣ въ этотъ моментъ тѣ же братья. Страшно хотѣлъ писать еще вчера, всѣмъ, всѣмъ хотѣлъ писать, но узнаете у жены—такъ слагалось время, что не было возможности. Вотъ вамъ мой завѣтъ, дорогіе братья, на первое время. Употребите всѣ свои силы и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ финала этихъ ужасовъ, этой бойни, этой рѣзни—эксплоатируйте всѣми способами и всѣми общими усиліями эту драму, этотъ колоссальный примѣръ жестокости, самоуправства, безчеловѣчности русскаго деспотизма и его системы... Пишите во всѣ концы нашей матушки и мачехи, и за-границу и Кеннанамъ всякимъ. Надъ этимъ стоитъ поработать. Это единственное, чѣмъ мы можемъ окупить потери этой расправы. Я пишу сумбурно, но вы меня поймете, такъ какъ каждый изъ насъ думаетъ самъ тоже. О болѣе широкихъ своихъ пониманіяхъ не говорю. И вы, Михаилъ Петровичъ, и Сержъ, и многіе другіе, вы ихъ знаете. „Не прощать

**) М. П. Орловъ.

никому... и пр.“ Вы, Михаилъ Петровичъ, знаете и ту систему, которая мнѣ казалась по нынѣшнему времени цѣлесообразнѣйшей.

Мишу и Тереху я что-то не видѣлъ. Поцѣлуйте ихъ отъ меня лишній разъ. Всѣхъ, братья, всѣхъ люблю, всѣхъ цѣлую, память о всѣхъ унесу съ собой.

Непремѣнно, дорогой Михаилъ Петровичъ, напишите Молдавскому, Вадзинскому и всѣмъ Сургутянамъ. Аверкіевыхъ расцѣлуйте въ подробностяхъ, т. е. и „пожарныхъ“, и всѣхъ. Фролову, Бороздичу, не говоря уже о Соломоновѣ,— всѣмъ пошлите мои братскіе привѣты. Какъ у меня не дурна голова, но я сейчасъ всѣхъ, всѣхъ помню, всѣхъ дорогихъ товарищей, всѣхъ бы хотѣлъ обнять. Доведется и Максимамъ, и Никитамъ, и Алексѣямъ—всѣмъ привѣтъ передайте. Здѣшнимъ товарищамъ я передамъ черезъ Софью и Вѣру Павловну. Олекминцевъ, особенно Вѣру Исааковну, поцѣлуйте. Какъ жаль, что я не получилъ ея письма.

Ну, еще разъ прижму васъ къ самому сердцу. Поцѣлуйте отъ меня крѣпко, крѣпко Ан. Алекс., когда будетъ это можно; мнѣ больно, что я не могъ попрощаться съ нею. Я ее очень люблю. Пусть она отъ меня не забудетъ послать привѣтъ во всѣ концы Россіи и Сибири разсыпавшейся саратовской радикальщинѣ.

Вашъ до петли *Львовичъ*“.

„Сейчасъ выходилъ — столбы ставятъ при фонаряхъ. Конечно, А. Львов. передастъ Вамъ такіе же поцѣлуи, какъ и я, и какъ Левъ Мат. Бѣдняги, они васъ и видѣть не могутъ. Я назвалъ только кое-кого, остальныхъ сами не забудете и попрощаетесь отъ меня. Многое бы хотѣлось сказать на прощанье, да теперь не собраться съ мыслями, да и совершенно минутки не урвешь.

Еще цѣлую и обнимаю всѣхъ *Львовичъ*“.

II. Письма А. Л. Гаусмана.

Якутская гауптвахта 7/VIII 89 г.
3/4 перваго ночи.

„Извините, что буду кратокъ. Не до подробныхъ писемъ какъ-то.

Нить мыслей часто прерывается воспоминаніями о былыхъ годахъ и былыхъ встрѣчахъ. Позвольте только проститься съ вами.

Обстоятельства насъ свели. Если что когда и неладно было между нами, то мы прежде всего, вѣдь, не больше, какъ люди.

Всѣмъ товарищамъ передайте мой горячій привѣтъ и послѣднее прости.

Если когда-нибудь доживете до радостныхъ дней, моя мысль, если можно такъ выразиться, будетъ съ вами.

Я умираю съ вѣрой въ торжество истины. Прощайте, братья!

Вашъ *А. Гаусманъ*".

Якутская гауптвахта, 6 августа 89 г.

„Дочь моя! Тебѣ всего шесть лѣтъ, а часъ моей смерти близится. Считаю долгомъ своимъ попрощаться съ тобой и сказать тебѣ нѣсколько словъ.

Учись, другъ мой. Старайся не столько знать много, сколько понимать многое. Будь честна. Каковы-бы ни были впослѣдствіи твои убѣжденія, слѣдуй имъ непреклонно, если это только искреннія убѣжденія. На глазахъ смерти говорю тебѣ: лучше жить въ нищетѣ съ чистой совѣстью, чѣмъ въ богатствѣ и матеріальномъ довольствѣ, сознавая, что кривишь душой. Люби людей. Ненависть и злоба могутъ имѣть за собой физическую, матеріальную силу, но у любви сила внутренняя, всепобѣждающая. Человѣчество потому только и существуетъ, что въ немъ преобладала всегда любовь надъ ненавистью, а то оно давно-бы угасло. Человѣкъ и въ особенности человѣкъ нашего времени (благодаря унаслѣдованной нервной организаціи) создѣнъ для любви, если можно такъ выразиться.

Прости, если заключу двумя банальными фразами: люби маму и помни папу.

Горячо любящій тебя отецъ *А. Гаусманъ*".

„Я прошу маму передать тебѣ это письмо, когда ты вырастешь".

III. Письма Л. М. Коганъ-Бернштейна.

Якутскъ, 1889 г., 6 августа.

„Дорогіе мои, хорошіе друзья, товарищи!

Не знаю, удастся-ли мнѣ проститься съ вами. Надежды почти нѣтъ. Но я мысленно простился со всѣми вами. Я глубоко, глубоко перечувствовалъ за это время ваше теплое хорошее отношеніе ко мнѣ. Мнѣ еще немного осталось жить...

Простимтесь заочно, дорогіе друзья и товарищи, и пусть послѣднее наше прощаніе будетъ озарено надеждою на лучшее будущее нашей бѣдной, бѣдной, горячо любимой родины! Никогда ни одна капля силы не пропадала въ мірѣ.—Не пропадетъ, стало быть, и жизнь человѣческая задаромъ! Никогда не надо горевать о ней. Оставьте мертвыхъ мертвецамъ,—у васъ впереди живая связь, нравственная, горячая и самая возвышенная съ вашей изстрадавшейся родиной! Не говорите и не думайте, что ваша жизнь пропала, что она вся пройдетъ въ напрасныхъ страданіяхъ и мученіяхъ на каторгѣ и въ ссылкѣ. Страдать муками своей родины, быть живымъ укоромъ всѣмъ исчадіямъ мрака и зла—это великое дѣло! Пусть это будетъ вашей послѣдней службой,—не бѣда. Вы принесли свою лепту на алтарь борьбы за Народную Волю. А кто знаетъ, быть можетъ, вамъ удастся увидѣть и лучшіе дни? Быть можетъ, вы доживете до той счастливой минуты, когда освобожденная родина встрѣтитъ своихъ вѣрныхъ, любящихъ и любимыхъ дѣтей съ открытыми объятіями и вмѣстѣ съ ними отпразднуетъ великій праздникъ свободы!

Тогда, друзья, помяните вы и насъ добрымъ словомъ, и это будетъ для насъ лучшей, величайшей наградой за всѣ наши испытанія. Да не покинетъ васъ никогда эта великая

надежда также, какъ она не покинетъ меня и на самомъ эшафотѣ.

Цѣлую васъ крѣпко, горячо отъ всей моей любящей души.

Вашъ весь *Левъ Бернштейнъ*.

Еще разъ прощайте, дорогіе друзья. Крѣпко цѣлую васъ.

Л."

„Дорогіе мои, хорошіе друзья! Вы уже вѣрно читали приговоръ по нашему дѣлу. Вчера пришла и конфирмація. Всѣ 3 смертныя казни утверждены; но когда будутъ исполнены, еще не извѣстно. Для насъ всѣхъ такой именно исходъ дѣла явился нѣсколько неожиданнымъ, такъ какъ всѣ скорѣе ждали малыхъ смягченій всѣмъ остальнымъ, чѣмъ утвержденія смертныхъ казней.

Относительно бѣднаго Гаусмана это особенно возмутительно: вѣдь противъ него показывалъ одинъ только *явный* лжесвидѣтель, который всѣмъ, не исключая даже начальства, казался очень подозрительнымъ субъектомъ. Но въ Азіи и этого довольно. Что же сказать вамъ о себѣ. Для меня такая смерть является самой счастливой, самой желательной. Мнѣ всегда казалось страшно тяжелымъ оставаться въ живыхъ послѣ многихъ жертвъ нашей борьбы, которыя я пережилъ. Особенно послѣдняя исторія, въ которой пало шесть человѣкъ, и въ ихъ числѣ два лучшихъ моихъ друга—Петро (Мухановъ) и Подбѣльскій—подѣйствовала на меня подавляющимъ образомъ. Правда, и я стоялъ тамъ лицомъ къ лицу со смертью довольно долго и выздоравливалъ даже подъ угрозой смертной казни, висѣвшей надо мною около двухъ мѣсяцевъ, и совѣсть моя могла-бы быть спокойна. Но я знаю, что тамъ, на каторгѣ, среди бездѣлья и тоски, передо мной не разъ тяжелымъ укоромъ вставала-бы участь шестерыхъ товарищей, павшихъ рядомъ со мной. Теперь же я умру на томъ мѣстѣ, гдѣ пристойно въ наше время умирать честному человѣку. Я умру съ чистой совѣстью и сознаніемъ, что до конца оставался вѣренъ своему долгу и своимъ убѣжденіямъ, а можетъ ли быть лучшая, болѣе счастливая смерть. Я умру тамъ, гдѣ умирали съ честью и славой мои лучшіе друзья и

учители, память о которыхъ я почиталъ больше всего на свѣтѣ, и это есть для меня лучшее нравственное удовлетвореніе, какого я только могъ желать себѣ.

Не сокрушайтесь же обо мнѣ, а скажите: онъ правъ, онъ счастливо умеръ, онъ не могъ желать себѣ лучшей участи... Я забылъ сказать вамъ, что я до сихъ поръ еще не вставалъ съ постели, а потому не удивляйтесь, что я такъ пишу,—я пишу все еще лежа. Не знаю, какимъ образомъ они „поведутъ“ меня на казнь. На судъ, и повсюду вообще меня носили съ кроватью, а теперь какъ поступятъ—право не знаю. Единственное мое желаніе, чтобы они не затягивали надолго всей этой процедуры, а то уже больно тяжело быть оплакиваемымъ при жизни. Ну, да такіе вопросы у насъ легко улаживаются. Не все ли равно—стоя или лежа лѣзть въ петлю?

Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ и цѣлую. Не поминайте лихомъ вашего вѣрнаго друга и примите его послѣднее прости и прощай.

Левъ Коганъ-Бернштейнъ.“

„Дорогой мой, родной, голубенькій сынишка, мой милый, несчастный Митюшка! Я уже исполнилъ свой послѣдній долгъ, и послѣднія мои мысли, послѣднія мои слова да принадлежатъ тебѣ.

Я виноватъ предъ тобой, родной мой: я далъ тебѣ жизнь, а самъ покинулъ тебя въ раннихъ младенческихъ лѣтахъ, оставивъ тебя на рукахъ у бѣдной, изстрадавшейся матери. Сколько горя, сколько мукъ предстоитъ ей еще впереди, пока она еще увидитъ тебя большимъ и пока ты сумѣешь понять ее и вознаградить ее за всѣ потери ея, за всѣ страданія, которыя она перенесла въ своей тяжелой жизни... Я покинулъ тебя и ее, и тебя препоручилъ ей, а ее тебѣ. Живите другъ для друга, любите другъ друга, цѣните и утѣшайте другъ друга. Простишь-ли ты меня когда-нибудь такъ чистосердечно, такъ хорошо, какъ простила меня твоя хорошая мама? Она разскажетъ тебѣ всю мою жизнь, и, быть можетъ, ты поймешь меня, быть можетъ, полюбишь память мою и возблагодаришь меня за мои, во всякомъ случаѣ, честныя дѣла. О, Господи! дай мнѣ это благо! Дай мнѣ эту послѣднюю надежду!

Я не знаю, когда тебѣ приведется читать эти мои послѣднія строки... Быть можетъ, наша многострадальная родина вздохнетъ свободнѣе и оживетъ подъ лучами солнца свободы и правды. Быть можетъ, ты, мой родной, дорогой, безцѣнный, уже будешь жить совсѣмъ иною, болѣе счастливой жизнью,—о, дай тебѣ Богъ!—а о нашихъ временахъ будешь знать лишь по преданію... Намъ же пришлось жить въ тяжелыя, мрачныя времена, когда страшный ураганъ безпощадной борьбы изъ году въ годъ, уносилъ съ любимой родины безвозвратныя жертвы. Одной изъ такихъ жертвъ былъ и я, твой виновный передъ тобою отецъ, занесенный въ далекую Якутскую глушь и нашедшій тамъ свою судьбу. Простишь ли ты меня, родной, простишь ли, дорогой? О, да! да! я вѣрю въ это такъ же, какъ и въ то, что ты будешь хорошій, честный, любящій человѣкъ.

Чистосердечно говорю тебѣ, что, несмотря на многія испытанія, перенесенныя мною, я всегда себя чувствовалъ счастливымъ, такъ какъ счастья искалъ не въ мишурѣ богатства и тщеславія. Я мечталъ изложить тебѣ подробно свою жизнь въ своей отцовской исповѣди, но увы! смерть пришла слишкомъ рано и не дала исполнить этого долга. Твоя хорошая, дорогая мама разскажетъ тебѣ мою жизнъ, и ты увидишь, ты поймешь, что я былъ правъ, что дурные помыслы и дурныя желанія были мнѣ чужды; ты узнаешь, какъ трудно было мнѣ вступить на тотъ путь борьбы, къ которой насъ призываетъ нашъ долгъ. Душа просила мягкихъ словъ, любви всечеловѣческой,—и во имя этой любви приходилось самому бороться и другихъ призывать къ тяжелой, насильственной борьбѣ. Наша вѣра предсказывала намъ благо страны, благо нашего бѣднаго народа, но сами мы видѣли одно только горе, которое сѣяли вокругъ себя, среди самыхъ близкихъ людей. Мнѣ пришлось болѣе 5 лѣтъ сидѣть по разнымъ тюрьмамъ и этапамъ; я вынесъ ссылку и солдатчину и вотъ завтра я умру на плахѣ;—но, не скрывая ничего, чистосердечно говорю тебѣ, что самое худшее—это было сознаніе причиненнаго близкимъ людямъ горя. И вотъ теперь я сижу,—а рядомъ со мной ты спишь; твоя же несчастная мать душитъ въ себѣ слезы, бодрится и видитъ самое тяжелое, трудное будущее; я же, вѣрь, дорогой, мучусь однимъ только

сознаніемъ—сознаніемъ тяжелаго горя, причиненнаго вамъ обоимъ. Если-бы не это сознаніе, весело взошелъ-бы на плаху, весело взглянулъ-бы въ послѣдній разъ на свѣтъ Божій и отдалъ бы душу свою за други своя. Но вы меня простите, вы меня будете помнить навѣки, и это мнѣ поможетъ твердо и бодро умереть. Да благословитъ тебя Богъ, да не покинетъ тебя всю жизнь твою вѣра живая въ царство правды, свободы, добра! Не забывай меня, дорогой мой, хорошій, незабвенный, неоцѣненный сынъ! А главное, главное,— помни, что мать свою ты долженъ любить больше всего на свѣтѣ. Пусть это будетъ моимъ послѣднимъ тебѣ завѣтомъ.

А затѣмъ, прощай, мой ненаглядный, и помни меня хоть по разсказамъ твоей родной мамы.

Цѣлую тебя многое множество разъ. Прощай!...

Твой горячо любящій, но виновный передъ тобой отецъ

Левъ Коганъ-Бернштейнъ."

1889 года,
6 августа.

Изъ слова С. В. Балмашова на судѣ *).

„Я—Степанъ Балмашовъ; что я убилъ Сипягина—вы знаете, больше мнѣ говорить вамъ нечего. Всѣ ваши вопросы являются праздными любопытствомъ, удовлетворять которое я считаю совершенно излишнимъ. Право судей за вами, какъ

*) Степанъ Валеріановичъ Балмашовъ казненъ въ Шлиссельбургской крѣпости 3 мая 1902 г. Родился 3 апрѣля 1881 г. (день казни по дѣлу 1 марта) въ Пинегѣ, гдѣ отецъ его отбывалъ ссылку. Въ метрикахъ С. В. записанъ „сынъ государственнаго преступника". Съ 1885 г. жилъ въ Саратовѣ, гдѣ кончилъ гимназію; отсюда отецъ его снова высылается въ ссылку. Въ университетѣ С. В. учился сначала въ Казани, затѣмъ въ Кіевѣ. Въ числѣ 183 студентовъ С. В. въ 1900 г. былъ приговоренъ къ солдатчинѣ, 23 января 1901 г. арестованъ, въ апрѣлѣ выпущенъ и отправленъ въ Смоленскую губернію для отбыванія воинской повинности. Здѣсь онъ заболѣлъ, былъ отправленъ командиромъ полка въ Крымъ на леченіе, и провелъ лѣто у брата С. Л. Перовской близъ Севастополя. Въ это лѣто С. В. вошелъ въ партію соціалъ-демократовъ и работалъ въ организаціи. Когда двери Университета снова раскрылись передъ студентами-солдатами, С. В. пытался поступить въ Харьковскій Университетъ. Революціонную работу свою онъ самъ характеризовалъ за это время такъ: „не

за людьми заинтересованными, не признаю, а потому отъ дачи какихъ бы то ни было показаній безусловно отказываюсь"—такъ заявилъ онъ при первомъ же допросѣ. Съ горькой ироніей отклонилъ онъ и вопросъ о мотивахъ убійства. „Допрашивайте всѣхъ русскихъ людей—гражданъ, почему они его не убили до сихъ поръ, почему я убилъ, для всѣхъ васъ слишкомъ ясно"...

Письмо С. В. Балмашова къ родителямъ.

„Дорогіе мои! Пользуюсь счастливымъ случаемъ. Пишу вамъ нѣсколько строкъ, въ надеждѣ, что онѣ дойдутъ до васъ. Событіе 2-го апрѣля и мое участіе въ немъ, конечно, поразило васъ громомъ неожиданности и острой болью.

Но не обрушивайтесь на меня всей тяжестью упрека! Неумолимыя, безпощадныя условія русской жизни довели меня до такого поступка, заставили пролить человѣческую кровь, а главное—причинить вамъ на старости лѣтъ незаслуженныя страданія отъ утраты единственнаго сына.

Какъ неизмѣримо счастливъ былъ-бы я теперь, выполнивъ свой долгъ гражданина, если-бы не угнетала меня мысль о вашей скорби, о той душевной мукѣ, которую вы теперь должны испытывать. И несмотря на это, несмотря на то, что свѣтлое состояніе моего духа и блаженное самочувствіе отъ сознанія выполненныхъ требованій моей совѣсти

находя существенныхъ различій въ практическомъ осуществленіи программъ партіи с.-р. и с.-д., принималъ участіе какъ въ той, такъ и въ другой, смотря по тому, гдѣ представлялась большая продуктивность работы". Въ Харьковскій Университетъ поступить ему не удалось, и онъ уѣхалъ въ Кіевъ. Здѣсь, будучи студентомъ, организовалъ „Кіевскій союзъ соціалистовъ"; союзъ этотъ соединился съ комитетомъ с.-р. Какъ разъ по отъѣздѣ С. В. въ этой группѣ возникла мысль о конспиративной террористической организаціи, и она впервые выступила за подписью „Боевая Организація Партіи С.-Р.". Въ сентябрѣ 1901 г. члены Б. О. получили предложеніе принять на активную роль новаго члена—С. В. Балмашова. Приговоръ надъ Сипягинымъ С. В. привелъ въ исполненіе 2 апрѣля 1902 г. въ Петербургѣ.

(Прекрасно составленный біографическій очеркъ „Памяти С. В. Балмашова" изданъ за границей; см. также: „Послѣднія слова казненныхъ", 1906 г. и Владиміровъ—„Очерки современныхъ казней", 1906 г.).

омрачается горечью при мысли о вашей печали,—я, разумѣется, нисколько не раскаиваюсь въ томъ, что сдѣлалъ.

Не мнѣ, конечно, выяснять вамъ значеніе борьбы съ наиболѣе яркими и вредными представителями самодержавнаго режима. Не мнѣ говорить вамъ о неизбѣжности жертвы въ этой борьбѣ. Проклятыя условія современной русской дѣйствительности требуютъ жертвовать не только матеріальными благами, но отнимаютъ отъ родителей ихъ единственныхъ дѣтей. Я приношу свою жизнь въ жертву великому дѣлу облегченья участи трудящихся и угнетаемыхъ, и это, я вѣрю, даетъ мнѣ нравственное оправданіе въ той жестокости, которую я совершилъ по отношенію къ вамъ, своимъ горячо любимымъ и уважаемымъ родителямъ.

Пусть сознаніе этого значенія моего поступка умиротворитъ вашу естественную родительскую скорбь. Въ заключеніе обращаюсь къ вамъ съ просьбой, хотя понимаю, какъ трудно она исполнима.

Что бы ни было со мной, будьте такъ же тверды и спокойны, какъ я. Быть можетъ, ваше успокоеніе передастся и мнѣ черезъ толстыя тюремныя стѣны и уменьшитъ мою тревогу за васъ.

Вашъ *Степа.*"

Петербургъ, 3 апрѣля.

Рѣчь И. П. Каляева *).

„Прежде всего—фактическая поправка: я—не подсудимый передъ вами, я—вашъ плѣнникъ. Мы—вѣдь воюющія стороны. Вы—представители императорскаго правительства, наемные слуги капитала и насилія.

---

*) Иванъ Платоновичъ Каляевъ, крестьянинъ по происхожденію родился въ 1877 г. въ Варшавѣ; казненъ въ Шлиссельбургской крѣпости, 10 мая 1905 г. Отецъ его служилъ околоточнымъ надзирателемъ и, какъ выражается біографъ Каляева, сумѣлъ подъ полицейскимъ мундиромъ сохранить „душу живу". Въ Университетѣ И. П. учился сначала въ Москвѣ, гдѣ работалъ въ газетахъ, а затѣмъ въ Петербургѣ. Во время волненій въ Университетахъ 1899 года былъ арестованъ и послѣ 3-хъ мѣсяцевъ тюрьмы высланъ подъ надзоръ полиціи въ Екатеринославъ. Здѣсь онъ вступилъ въ комитетъ соціалъ-демократической партіи. Въ 1902 г. уѣхалъ во Львовъ, гдѣ слушалъ лекціи въ Университетѣ. Во

Я—одинъ изъ народныхъ мстителей, соціалистъ и революціонеръ. Насъ раздѣляютъ горы труповъ, сотни тысячъ разбитыхъ человѣческихъ существованій и цѣлое море крови и слезъ, разлившееся по всей странѣ потоками ужаса и возмущенія. Вы объявили войну народу, мы приняли вызовъ. Взявъ меня въ плѣнъ, вы теперь можете подвергнуть меня пыткѣ медленнаго угасанія, можете меня убить, но надъ моею личностью вамъ не дано суда. Какъ-бы вы не ухищрялись властвовать надо мной, здѣсь для васъ не можетъ быть оправданія, какъ не можетъ быть для меня осужденія. Между нами не можетъ быть почвы для примиренія, какъ нѣтъ ея между самодержавіемъ и народомъ. Мы все тѣ же враги и, если вы, лишивъ меня свободы и гласнаго обращенія къ народу, устроили надо мной столь торжественное судилище,— то это еще нисколько не обязываетъ меня признавать въ васъ моихъ судей. Пусть судитъ насъ не законъ, облеченный въ сенаторскій мундиръ, пусть судитъ насъ не рабье свидѣтельство сословныхъ представителей по назначенію, не жандармская подлость. Пусть судитъ насъ свободно и нелицепріятно выраженная народная совѣсть. Пусть судитъ насъ эта великомученица исторіи—народная Россія.

Я убилъ великаго князя, члена императорской фамиліи, и я понимаю, если бы меня подвергли фамильному суду членовъ царствующаго дома, какъ открытаго врага династіи. Это было-бы грубо и для 20-го вѣка дико, но это было-бы, по крайней мѣрѣ, откровенно. Но гдѣ же тотъ Пилатъ, который, не смывъ еще рукъ своихъ отъ крови народной, послалъ васъ сюда строить висѣлицу. Или, можетъ быть,

---

время поѣздки въ Берлинъ снова былъ арестованъ (при немъ были найдены №№ „Искры"), выданъ Россіи и русскими властями засаженъ въ Варшавскую цитадель. По освобожденіи, до приговора, высланъ въ Ярославль, гдѣ впервые вошелъ въ сношеніе съ партіей соціалистовъ-революціонеровъ. Осенью 1903 г. уѣхалъ за границу, а 4 февраля 1905 г. въ Москвѣ выполнилъ приговоръ партіи, убивъ вел. кн. Сергѣя Александровича. Въ біографіи его, изданной за границей, приводится отрывокъ изъ рукописи Ив. Пл., объясняющій его переходъ изъ партіи с.-д. и нѣсколько его стихотвореній.

(См. „Былое", 1906 г. № 5, Владиміровъ—„Очерки современныхъ казней", 1906 г., „Дѣло Каляева, 1906 г. и „Послѣднія слова казненныхъ", 1906 г.).

въ сознаніи предоставленной вамъ власти вы овладѣли его тщедушною совѣстью настолько, что сами присвоили себѣ право судить именемъ лицемѣрнаго закона въ его пользу.

Такъ знайте же: я не признаю ни васъ, ни вашего закона. Я не признаю централизованныхъ государственныхъ учрежденій, въ которыхъ политическое лицемѣріе прикрываетъ нравственную трусость правителей, и жестокая расправа творится именемъ оскорбленной человѣческой совѣсти, ради торжества насилія.

Но гдѣ же ваша совѣсть? Гдѣ кончается ваша продажная исполнительность и гдѣ начинается безсребренность вашего убѣжденія, хотя-бы враждебнаго моему? Вѣдь вы не только судите мой поступокъ, вы посягаете на его нравственную цѣнность. Дѣло 4 февраля вы не называете прямо убійствомъ, вы именуете его преступленіемъ, злодѣяніемъ, вы дерзаете не только судить, но и осуждать. Что же вамъ даетъ это право? Не правда-ли, благочестивые сановники, вы никого не убили и опираетесь не только на штыки и законъ, но и на аргументы нравственности? Подобно одному ученому профессору временъ Наполеона III, вы готовы признать, что существуютъ двѣ нравственности. Одна для обыкновенныхъ смертныхъ, которая гласитъ: „не убій", „не укради", а другая нравственность политическая для правителей, которая имъ все разрѣшаетъ.

И вы дѣйствительно увѣрены, что вамъ все дозволено и что нѣтъ суда надъ вами...

Но оглянитесь: всюду кровь и стоны. Война внѣшняя и война внутренняя. И тутъ, и тамъ пришли въ яростное столкновеніе два міра, непримиримо враждебныхъ другъ другу: бьющая ключемъ жизнь и застой, цивилизація и варварство, насиліе и свобода, самодержавіе и народъ. И вотъ результаты: позоръ неслыханнаго пораженія военной державы, финансовое и моральное банкротство государства, политическое разложеніе устоевъ монархіи внутри, наряду съ естественнымъ развитіемъ стремленія къ политической самостоятельности на такъ называемыхъ окраинахъ, и повсюду всеобщее недовольство, ростъ оппозиціонной партіи, открытыя возмущенія рабочаго народа, готовыя перейти въ затяжную революцію,

во имя соціализма и свободы и—на фонѣ всего этого—террористическіе акты... Что означаютъ эти явленія?

Это—судъ исторіи надъ вами. Это—волненіе новой жизни, пробужденной долго накоплявшейся грозой это—отходная самодержавію... И революціонеру нашихъ дней не нужно быть утопистомъ—политикомъ для того, чтобы идеалъ своихъ мечтаній сводить съ небесъ на землю. Онъ суммируетъ, приводитъ къ одному знаменателю и облекаетъ въ плоть лишь то, что есть готоваго въ настроеніяхъ жизни и, бросая въ отвѣтъ на вызовъ къ бою свою ненависть, можетъ смѣло крикнуть насилію: я обвиняю.

Но мнѣ ставится въ вину нѣчто большее. Меня обвиняютъ въ томъ, въ чемъ повинна вся Россія: меня обвиняютъ въ принадлежности къ тайному сообществу, поставившему себѣ цѣлью насильственное ниспроверженіе образа правленія въ Россіи, установленнаго основными законами. Другими словами—насильственное ниспроверженіе самодержавія дѣйствіями одного тайнаго сообщества. Не отрицая своей принадлежности къ Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, такое обвиненіе я считаю лишеннымъ всякаго здраваго смысла.

Прежде всего въ первой части вышеприведенной формулы обвиненія нѣтъ реальной правды. Тутъ обвинитель обнаружилъ полное отсутствіе пониманія дѣйствительности или намѣренно извратилъ образъ моей партіи. Точно вся Россія—это счастливѣйшая Аркадія, въ которой живутъ въ мирѣ и согласіи, условія общежитія идеальны: нѣтъ ни классовыхъ антагонизмовъ, ни правительственнаго гнета, всѣ довольны существующими порядками, установленными основными законами, и только—изволите видѣть—злокозненное сообщество, именуемое Партіей Соціалистовъ-Революціонеровъ, всѣми силами стремится къ ихъ низверженію. Ну, а коль скоро составилось такое „тайное“ сообщество противъ самодержавія, значитъ этимъ оправдано и существованіе прокурора и всѣхъ другихъ экстренныхъ мѣръ въ защиту „основныхъ законовъ“. Просто, коротко и ясно.

Но не напоминаетъ ли вамъ эта, до крайности упрощенная, формула обвиненія того обольстительнаго взгляда политиковъ охраны, по которому вся смута—дѣло злонамѣренной

группы революціонеровъ, и стоитъ имъ взять въ плѣнъ террориста, и самодержавіе спасено. Такъ шатко его существованіе...

Мнѣ лично вспоминается очень оригинальное замѣчаніе отъ одного жандармскаго вахмистра, которое я охотно подарю прокурору. „Чего вы добиваетесь, спросилъ онъ меня во время одного ареста,—конституціи? Напрасно: нашего . . . . хватитъ".

Но мой обвинитель—не жандармскій вахмистръ, мой обвинитель—представитель верховнаго коронnаго суда, и потому отъ него можно было бы ожидать болѣе солиднаго взгляда на природу и характеръ террористической борьбы.

Господа, вы знаете, въ чемъ ошибки прокурора.

Борьба противъ самодержавія ведется десятки лѣтъ ширококрылымъ фронтомъ всей трудящейся и мыслящей Россіи, и не тайно, а совершенно явно. Какой же смыслъ приписывать монополію этой борьбы какому-бы то ни было отдѣльному сообществу и вмѣнять Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ въ особую вину цѣль всеобщаго освободительнаго движенія въ Россіи? Неужели только для того, чтобы убаюкать себя надеждой, оживить этимъ разлагающійся трупъ самодержавія? Признаюсь, я могъ бы гордиться высотой обвиненія, предъявленнаго моей партіи, но мое личное достоинство, какъ члена партіи, и моя увѣренность въ силахъ революціи выше прокурорскаго благожелательства.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ не есть единственная организація для борьбы въ Россіи съ существующимъ въ Россіи политическимъ строемъ. Болѣе того, она не исключительно занята борьбой съ самодержавіемъ. Программа ея дѣятельности гораздо шире, чѣмъ это думается прокурору. Насколько я могу судить по обвинительному акту, прокуроръ и тутъ остался вѣренъ своей тенденціи къ упрощенію обвиненія.

Меня изумляетъ одинъ очень характерный пропускъ въ немъ. Въ обвинительныхъ актахъ противъ членовъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ и ея Боевой Организаціи до настоящаго процесса всегда выставлялся особый пунктъ обвиненія въ ниспроверженіи существующаго общественнаго строя. И это имѣло свой опредѣленный смыслъ, отъ кото-

раго не слѣдовало прокурору отказываться и въ данномъ случаѣ при характеристикѣ стремленій партіи.

Вѣдь мы, какъ партія,—прежде всего—соціалисты. Наша соціалистическая программа въ основныхъ своихъ положеніяхъ ничѣмъ не отличается отъ программъ аналогичныхъ партій другихъ наименованій. Въ этомъ смыслѣ наша партія въ Россіи есть одинъ изъ авангардовъ всесвѣтнаго соціалистическаго движенія, выдвинувшійся въ нѣдрахъ патріархальной и царской Россіи. Вамъ должно быть не безызвѣстно, что наша Партія принимала участіе въ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ и, такимъ образомъ, получила профессіональное признаніе и одобреніе своей дѣятельности со стороны верховнаго учрежденія соціализма.

Такимъ образомъ, на Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ нельзя смотрѣть, какъ на тайное сообщество, ставящее себѣ единственной и исключительной цѣлью—сверженіе самодержавія.

Мы не отказываемся отъ этой цѣли, но нужно точно установить наше мѣсто на ряду другихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ Россіи для того, чтобы понять какъ слѣдуетъ, природу и цѣли осуществляемаго нами террора. *)

Терроръ—только одно изъ орудій, одна изъ формъ борьбы, принимаемыхъ партіей. Лишь въ неразрывной, органической связи со всѣми прочими видами и средствами борьбы, терроръ служитъ, въ послѣднемъ счетѣ, цѣли ниспроверженія существующаго режима. Стачки, какъ форма непосредственнаго экономическаго столкновенія эксплуатируемыхъ рабочихъ съ ихъ прямыми угнетателями, какъ исходная точка для логическаго развитія событій и столкновенія рабочихъ со всѣмъ существующимъ строемъ; демонстраціи, какъ открытое заявленіе своихъ политическихъ убѣжденій и требованій; аграрныя волненія, какъ попытки осуществленія правъ рабочаго земледѣльческаго населенія, попираемыхъ вѣками; вооруженное сопротивленіе насиліямъ и репрессіямъ правительства, стремящагося подавить, рас-

*) До сихъ поръ рѣчь Каляева печатается въ его собственномъ изложеніи. Къ сожалѣнію, изложеніе это не окончено. Дальнѣйшая заключительная часть его рѣчи печатается лишь въ краткомъ резюме.

топтать, запугать поднимающіяся противъ него силы; терроръ, какъ отпоръ и какъ нападеніе, дезорганизующее правительство и облегчающее задачу натиска на него всѣми другими средствами; наконецъ, вооруженное народное возстаніе, какъ увѣнчаніе всей этой системы борьбы,—такова многосложная, разносторонняя и идущая прямо къ цѣли боевая тактика Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Я взялъ на себя свою часть дѣла въ этой многосложной и цѣлостной системѣ борьбы. Мое предпріятіе окончилось успѣхомъ.

И такимъ же успѣхомъ увѣнчается, несмотря на всѣ препятствія, и дѣятельность всей Партіи, ставящей себѣ великія историческія задачи. Я твердо вѣрю въ это—я вижу грядущую свободу возрожденной къ новой жизни трудовой народной Россіи.

И я радъ, я гордъ возможностью умереть за нее съ сознаніемъ исполненнаго долга.

Письма И. П. Каляева.

„Мои дорогіе друзья и незабвенные товарищи!

Вы знаете, я сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы 4 февраля достигнуть побѣды. И я—въ предѣлахъ моего личнаго самочувствія—счастливъ сознаніемъ, что выполнилъ долгъ, лежавшій на всей истекающей кровью Россіи.

Вы знаете мои убѣжденія и силу моихъ чувствъ, и пусть никто не скорбитъ о моей смерти.

Я отдалъ всего себя дѣлу борьбы за свободу рабочаго народа, съ моей стороны не можетъ быть и намека на какую-либо уступку самодержавію, и если въ результатѣ всѣхъ стремленій моей жизни я оказался достойнымъ высоты общечеловѣческаго протеста противъ насилія, то пусть и смерть моя вѣнчаетъ дѣло чистотой идеи.

Умереть за убѣжденія—значитъ звать на борьбу, и какихъ бы жертвъ ни стоила ликвидація самодержавія, я твердо увѣренъ, что наше поколѣніе покончитъ съ нимъ навсегда... Это будетъ великимъ торжествомъ соціализма, когда передъ русскимъ народомъ откроется просторъ новой жизни, какъ

и передъ всѣми, кто испытываетъ тотъ же вѣковой гнетъ царскаго насилія.

Всѣмъ сердцемъ моимъ съ вами, мои милые, дорогіе, незабвенные. Вы были мнѣ поддержкой въ трудныя минуты, съ вами я всегда раздѣлялъ всѣ ваши и наши радости и тревоги, и если когда-нибудь на вершинѣ общенароднаго ликованія вы вспомните меня, то пусть будетъ для васъ весь мой трудъ революціонера выраженіемъ моей восторженной любви къ народу и горделиваго уваженія къ вамъ; примите его, какъ дань моей искренней привязанности къ Партіи, какъ носительницѣ завѣтовъ „Народной Воли“ во всей ихъ широтѣ.

Вся жизнь мнѣ лишь чудится сказкой, какъ будто все то, что случилось со мною, жило съ раннихъ лѣтъ въ моемъ предчувствіи и жило въ тайникахъ сердца для того, чтобы вдругъ излиться пламенемъ ненависти и мести за всѣхъ.

Хотѣлось-бы многихъ близкихъ моему сердцу и безконечно дорогихъ назвать въ послѣдній разъ по имени, но пусть мой послѣдній вздохъ будетъ для нихъ моимъ прощальнымъ привѣтомъ и бодрымъ призывомъ къ борьбѣ за свободу.

Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ.

Вашъ *И. Каляевъ*“.

„Дорогіе мои

Хочу еще разъ съ этимъ листочкомъ бумаги улетѣть къ вамъ сердцемъ, обнять васъ воздушными объятіями и напомнить, какъ я васъ всѣхъ люблю. Противъ всѣхъ моихъ заботъ я остался 4 февраля живъ. Я бросалъ на разстояніи 4-хъ шаговъ, не болѣе, съ разбѣга въ упоръ, я былъ захваченъ вихремъ взрыва, видѣлъ, какъ разрывается карета. Послѣ того, какъ облако разсѣялось, я оказался у остатковъ заднихъ колесъ. Помню, въ меня пахнуло дымомъ и щепками прямо въ лицо, сорвало шапку. Я не упалъ и только отвернулъ лицо. Потомъ увидѣлъ въ шагахъ 5-ти отъ себя, ближе къ воротамъ, комья в. к. одежды и обнаженное тѣло... Въ шагахъ 10-ти за каретой лежала моя шапка, я подошелъ и поднялъ ее и надѣлъ. Я оглядѣлся. Вся поддевка моя была

истыкана кусками дерева, висѣли клочья, и вся она обгорѣла. Съ лица обильно лилась кровь, и я понялъ, что мнѣ не уйти, хотя было нѣсколько долгихъ мгновеній, когда никого не было вокругъ. Я пошелъ... въ это время послышалось сзади: „держи, держи“,—на меня чуть не наѣхали сыщичьи сани, и чьи-то руки овладѣли мною. Я не сопротивлялся. Вокругъ меня засуетились: городовой, околодокъ и сыщикъ противный...

„Смотрите, нѣтъ ли револьвера, ахъ, славу Богу, и какъ это меня не убило, вѣдь мы были тутъ же“, проговорилъ дрожа этотъ охранникъ. Я пожалѣлъ, что не могу пустить пулю въ этого доблестнаго труса. — „Чего вы держите, не убѣгу, я свое дѣло сдѣлалъ“, сказалъ я... (Я понялъ тутъ, что я оглушенъ).

„Давайте извозчика... Давайте карету“. Мы поѣхали черезъ Кремль на извозчикѣ, и я задумалъ кричать: „Долой... да здравствуетъ свобода, долой проклятое правительство, да здравствуетъ Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ!“ Меня привезли въ городской участокъ... Я вошелъ твердыми шагами. Было страшно противно среди этихъ жалкихъ трусишекъ... И я былъ дерзокъ, издѣвался надъ ними... Меня перевезли въ Якиманскую часть, въ арестный домъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Прощайте, мои дорогіе, мои незабвенные. Вы меня просили не торопиться умирать, и дѣйствительно не торопятся меня убивать. Съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ за рѣшетку, у меня не было ни одной минуты желанія какъ-нибудь сохранить жизнь. Революція дала мнѣ счастье, которое выше жизни, и вы понимаете, что моя смерть—это только очень слабая моя благодарность ей. Я считаю свою смерть послѣднимъ протестомъ противъ міра крови и слезъ и могу только сожалѣть о томъ, что у меня есть только одна жизнь, которую я бросаю, какъ вызовъ самодержавію. Я твердо надѣюсь, что наше поколѣніе съ Боевой Организаціей во главѣ покончитъ съ самодержавіемъ.

Я хотѣлъ-бы только, чтобы никто не подумалъ обо мнѣ дурного, чтобы вѣрили въ искренность моихъ чувствъ и твердость моихъ убѣжденій до конца. Помилованіе я считалъ-бы позоромъ. Простите, если въ моемъ поведеніи внѣ пар-

тійныхъ интересовъ были какія-либо неровности. Я пережилъ довольно острой муки по поводу нелѣпыхъ слуховъ о свиданіи съ великой княгиней, которымъ меня растравляли въ тюрьмѣ. Я думалъ, что я опозоренъ... Какъ только я получилъ возможность писать, я написалъ письмо великой княгинѣ... Потомъ, послѣ суда, мнѣ было непріятно, что я нарушилъ свою корректность къ великой княгинѣ. На судѣ я перешелъ въ наступленіе не вслѣдствіе аффекта, потому что не видѣлъ другого смысла: судьи и особенно предсѣдатель, дѣйствительно... и мнѣ просто противно открывать что-нибудь имъ изъ моей души, кромѣ ненависти... Въ кассаціонной жалобѣ я старался провести строго партійный взглядъ и, думаю, что ничѣмъ не повредилъ интересамъ партіи своими заявленіями на судѣ. Я заявилъ, что убійство великаго князя есть обвинительный актъ противъ правительства... Поэтому въ приговорѣ вставлено „дядя Его Величества". Я написалъ въ кассаціонной жалобѣ, что въ дѣлѣ противъ великаго князя мнѣ не было нужды дѣйствовать противъ личности царя, какъ племянника, и потому заявилъ протестъ, имѣя въ виду будущій процессъ.

Обнимаю, цѣлую васъ. Вѣрьте, что я всегда съ вами до послѣдняго издыханія. Еще разъ прощайте.

Вашъ *И. Каляевъ*".

„Дорогая, незабвенная моя мать!

Итакъ, я умираю. Я счастливъ за себя, что съ полнымъ самообладаніемъ могу отнестись къ моему концу. Пусть же ваше горе, дорогіе мои,—вы всѣ, мать, братья и сестры,—потонетъ въ лучахъ того сіянія, которымъ свѣтитъ торжество моего духа.

Прощайте. Привѣтъ всѣмъ, кто меня зналъ и помнитъ.

Завѣщаю вамъ: храните въ чистотѣ имя моего отца.

Не горюйте, не плачьте. Еще разъ прощайте. Я всегда съ вами.

Вашъ *И. Каляевъ*".

„Дорогая мать моя!

Пользуюсь еще разъ случаемъ, чтобы передать вамъ мой привѣтъ, хотя я и не увѣренъ, вручатъ-ли вамъ это письмо.

Состояніе моего духа неизмѣнно! Я счастливъ сознаніемъ, что поступилъ такъ, какъ этого требовалъ мой долгъ. Я сохранилъ въ чистотѣ мою совѣсть и не нарушилъ цѣлости моихъ убѣжденій. Вы знаете хорошо, что у меня не было личной жизни для себя, и если я и страдалъ въ жизни, то лишь страданіемъ другихъ.

Было-бы смѣшно заботиться мнѣ о сохраненіи жизни теперь, когда я такъ счастливъ своимъ концомъ. Я отказался отъ помилованія, и вы знаете почему. Не потому, конечно, что я расточилъ всѣ свои силы тѣлесныя и душевныя—напротивъ—я сберегъ все, что мнѣ дала жизнь ради моего конечнаго торжества въ смерти. Я всегда чувствовалъ, что я обреченъ съ малыхъ лѣтъ, и мнѣ ничего не жаль изъ моей личной жизни. Я не могу принять помилованія, потому что мои личныя убѣжденія не позволяютъ мнѣ этого. И вы должны принять мое рѣшеніе съ твердымъ мужествомъ, какое только можетъ проявить любящее сердце. Не плачьте обо мнѣ—будьте счастливы, все равно, какъ если-бы я былъ съ вами не разлученъ, потому что, дѣйствительно, я буду всегда съ вами не разлученъ.

Если болѣе не увидимся на свиданіи,—прощайте!

Кажется, мнѣ не у кого просить прощенія личныхъ обидъ.

Вотъ сейчасъ развертывается передо мною картина варшавской жизни, шумныхъ улицъ и сіяющаго надъ ними солнца.

Кланяйтесь же отъ меня Варшавѣ.—Прощайте.

Вашъ неизмѣнный *И. К.*“

Письмо Х. Гершковича *).

„Дорогая мамочка. Я тебѣ уже писалъ одно письмецо, передъ судомъ; не знаю, получила-ли ты его. Оно пошло, вѣроятно, черезъ департаментъ полиціи, а это очень долгая исторія. Если ты получила, то, навѣрно, уже знаешь обо мнѣ, о судьбѣ и приговорѣ. Приговоръ такой, какъ я ожидалъ. Да и можно-ли было чего-либо иного ожидать отъ нихъ? Ты понимаешь, кто это „они“? Ты ихъ не мало уже знаешь, не мало перемучилась, перестрадала изъ-за „нихъ“. Но оставимъ теперь говорить о нашихъ врагахъ. Они знакомы всему русскому народу, и не мало о нихъ уже говорено. Я пишу тебѣ, быть можетъ, послѣднее письмецо, а потому нужно использовать, какъ слѣдуетъ, т.-е. говорить о важномъ, о томъ, что мучаетъ и волнуетъ меня и что хочется, что необходимо сказать. Это—вопросъ о моей смерти и твоемъ отношеніи къ ней. Хотя адвокатъ мой и подалъ кассаціонную жалобу, хотя и мотивовъ къ ней больше, чѣмъ достаточно, хотя и приговоръ еще не утвержденъ генералъ-губернаторомъ, т.-е. Треповымъ,—я все-таки увѣренъ въ своей смерти, развѣ только революція или какія-нибудь другія важныя политическія событія спасутъ меня. Все возможно. Всякій знаетъ, что русская революція не за горами, и что ее никакіе смертныя казни и разстрѣлы не остановятъ. И я вѣрю въ это. Я буду вѣрить въ это даже въ послѣднюю

*) Хаимъ Гершковичъ, 19-лѣтній юноша, членъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, по распоряженію Петербургскаго генералъ-губернатора Трепова былъ преданъ военному суду за вооруженное сопротивленіе, оказанное имъ полиціи 30 іюня 1905 года. Свое званіе, фамилію и лѣта Гершковичъ открылъ уже послѣ окончанія предварительнаго слѣдствія» на судѣ. Военный Судъ не нашелъ нужнымъ устанавливать личность и лѣта подсуднмаго, и 18 іюля Гершковичъ былъ приговоренъ къ смертной казни, а 20 августа былъ повѣшенъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Выслушавъ спокойно чтеніе краткой революціи суда и затѣмъ, стоя уже подъ висѣлицей съ петлей на шеѣ, Гершковичъ воспользовался оплошностью палача, не накинувшаго ему сразу на голову капюшонъ, и обратился къ стоявшимъ возлѣ эшафота со словами: «Вы пришли посмотрѣть, какъ я буду умирать? Я умру спокойно, но скоро настанетъ время, когда народъ...» Рѣчь Гершковича осталась недоговоренной...

(См. „Былое“, 1906 г. № 6).

свою минуту, когда палачъ уже одѣнетъ петлю на мою шею. Съ этой вѣрой я и умру. И смерть моя будетъ легка, я бы сказалъ, сладка, если бы это можно было сказать относительно смерти. Вѣрь мнѣ, дорогая, я вполнѣ спокоенъ. Удивительно спокоенъ. Ну, что значитъ моя смерть, моя жизнь въ сравненіи съ тѣмъ великимъ грядущимъ, которое идетъ, за которое уже отдано столько тысячъ, сотенъ тысячъ, быть можетъ, даже болѣе молодыхъ и лучшихъ жизней, чѣмъ моя. Ты себѣ не представляешь, какое счастье можетъ принести смерть. Это не потому, что я не люблю жизнь, что она мнѣ страшно противна и я жажду избавленія отъ нея. Нѣтъ, наоборотъ. Я люблю жизнь. Я люблю ее такъ, какъ только можетъ любить молодой 19-ти лѣтній человѣкъ, полный энергіи, вѣры, силы и т. д. и т. д. И если-бы была возможность, я бы съ величайшимъ удовольствіемъ остался жить. Но такъ какъ возможности пока не предвидится, то не будемъ о ней говорить. Я говорю, что смерть можетъ доставить и даже доставляетъ великое удовольствіе вотъ въ какомъ отношеніи. Это, такъ сказать, въ отношеніи моральномъ. Въ отношеніи сознанія своихъ нравственныхъ силъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, пойми. Я умираю за что? За великое дѣло освобожденія, освобожденія не только русскаго народа, но и всего человѣчества. Я умираю за то, что не хотѣлъ быть рабомъ, вѣчно тянуть свое ярмо и смотрѣть, какъ рядомъ со мной также тянутъ его милліоны людей, милліоны, которые могли-бы быть свободны, которые имѣютъ право на свободу и на все окружающее, какъ всякій живой человѣкъ имѣетъ право на это. У меня было настолько силъ, что я не побоялся смерти, что перенесъ два раза тюрьму и ссылку и что я явился на судъ передъ своими палачами спокойнымъ, гордымъ и смѣлымъ и такимъ же спокойнымъ и гордымъ пойду на эшафотъ. Развѣ мало счастья доставляетъ это удовольствіе? Я хотя и всегда отличался твердымъ характеромъ, но все-таки хорошее пѣніе, хорошая задушевная музыка могли иной разъ вызвать у меня слезу. Но теперь, дорогая, когда мнѣ приходится разставаться навсегда со столькимъ милымъ и дорогимъ, у меня не явилась ни одна слеза, ни одно малодушное чувство, хоть на мигъ—это правда, дорогая, сущая правда! Я все это говорю не потому,

чтобы похвастаться, а для того, чтобы ты увидѣла, что я вполнѣ спокоенъ и даже счастливъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты также взглянула на мою смерть моимъ взглядомъ. Ты бы тогда не такъ плакала и горевала. Я знаю, какъ тяжела будетъ для тебя моя смерть. Я знаю, что она тебя убьетъ. Но, дорогая, если-бы ты знала, какъ мнѣ больно за твои слезы и страданія, какъ страшно горько вспомнить о нихъ, ты бы тогда не такъ убивалась и горевала. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ твои слезы? Развѣ ты ими меня спасешь? Зачѣмъ убиваться, когда ты, старуха, можешь еще увидѣть очень великое, счастливое и радостное—это болѣе или менѣе счастливую родину. Это то, за что твои дѣти сидѣли въ тюрьмахъ, были изгоняемы и отдавали свою жизнь. Дорогая моя, умоляю тебя, не плачь, не горюй. И прости мнѣ всѣ твои тяжкія мученія и страданія, въ которыхъ я былъ причиной. Ты вѣдь знаешь, что если я тебѣ и причиниль что-нибудь горькаго, то безсознательно или невольно. Какъ хотѣлось бы прижать тебя крѣпко, крѣпко къ своей груди... Ну, прощай!

Твой *Хаимъ*.“

Рѣчь З. В. Конопляниковой *).

„Я, членъ П. С.-Р., въ настоящій моментъ членъ летучаго боевого отряда сѣверной области П. С.-Р., убила Мина. Причины, побудившія меня къ этому акту, слѣдующія: я думаю, всѣмъ памятны декабрьскіе дни въ Москвѣ, гдѣ Минъ и Риманъ дѣйствовали такъ, какъ будто это была непріятельская страна. Не буду объ этомъ много говорить. Много объ этихъ дняхъ говорилось и писалось въ газетахъ

*) Зинаида Васильевна Конопляникова, родилась 2 ноября 1879 г. Будучи членомъ летучаго боевого отряда сѣверной области П. С.-Р. 12 августа 1906 года застрѣлила командира Семеновскаго полка генералъ-маіора Мина, начальника каратѣльной экспедиціи по Московско-Казанской ж. д. Приговоромъ засѣдавшаго 25 августа въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости «Суда» приговорена къ смертной казни, совершенной 29 августа на дворѣ Шлиссельбургской крѣпости.

(См. В...въ—„Женщины на эшафотѣ“, 1907 г., перепеч. изъ «Times», и „Зинаида Васильевна Конопляникова“, 1906, изд. П. С.-Р.).

и журналахъ, есть спеціально по этому поводу написанныя книги. Сотнями считали убитыхъ въ Москвѣ. За что, спрашивается, убивали московскій народъ? За то, что измученный въ невѣжествѣ, въ нищетѣ, обманутый манифестомъ и всей провокаціонной политикой правительства, рабочій народъ поднялъ знамя возстанія противъ своихъ вѣковыхъ угнетателей и притѣснителей. Я убила Мина, какъ убійцу возставшихъ борцовъ за свободу, какъ убійцу тѣхъ невинныхъ, кровью которыхъ орошены улицы Москвы.

Въ мирное время Минъ занимался воспитаніемъ солдатъ. Онъ старался какъ можно ближе и тѣснѣе сойтись съ солдатами, непосредственно вліять на нихъ и возбуждать въ нихъ чувства рабской покорности и животной преданности къ преступному правительству. Такимъ образомъ, онъ продолжалъ воспитывать въ нихъ будущихъ братоубійцъ, отцеубійцъ. Я убила Мина, какъ командира Семеновскаго полка, воспитывающаго крестьянъ-солдатъ въ духѣ активной непріязни къ народному освободительному движенію.

Во время допросовъ меня спрашивали—кто далъ намъ право убивать? Какъ членъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, я отвѣчу то же, что говорили и до меня товарищи: партія рѣшила на бѣлый, но кровавый терроръ правительства отвѣчать краснымъ терроромъ. Терроръ въ партіи вынужденъ правительствомъ; терроръ въ партіи породило само правительство. А какъ „выходецъ“ изъ народа (происхожденія я не мудренаго: отецъ—солдатъ, мать—крестьянка), я спрошу васъ языкомъ того же самаго народа: а кто вамъ далъ право вѣками держать насъ въ невѣжествѣ, въ нищетѣ, въ тюрьмахъ, ссылать въ ссылки и на каторги, вѣшать и разстрѣливать десятками, убивать сотнями? Кто вамъ далъ на это право? Вы сами его захватили по праву сильнаго, санкціонировали его вы же выдуманными законами, попы вамъ это право освятили. А вотъ теперь идетъ новое, народное право, которое безусловно справедливѣе вашего безчеловѣчнаго права. Вы объявили этому грядущему праву борьбу не на животъ, а на смерть. Вы отлично знаете, что съ гибелью своего безчеловѣчнаго права погибнете и вы, питающіеся имъ, какъ шакалы падалью. И мы, вышедшіе изъ народа, мы, борцы за народную свободу, чувствуемъ въ

себѣ силу и право бороться съ вами, представителями самодержавнаго и бюрократическаго произвола, съ оружіемъ въ рукахъ за наше новое грядущее право.

Коснусь слегка своей біографіи. Со школьной скамьи учительской семинаріи меня отправили учительствовать въ одинъ изъ медвѣжьихъ угловъ Лифляндской губерніи къ эстамъ въ министерскую школу. Правительство занималось, какъ занимается и теперь, обрусѣніемъ Прибалтійскаго края и съ этой цѣлью понастроило тамъ министерскихъ школъ, понасажало русскихъ учителей и учительницъ, чтобы преподаваніе велось только на русскомъ языкѣ. Мѣстность, гдѣ мнѣ приходилось учительствовать, была невзрачная: съ трехъ сторонъ лѣсъ, съ четвертой озеро Пейпусъ. Про природу можно сказать: „печальная картина—ель да осина". Нищета среди мѣстныхъ жителей была поразительная. Земли у нихъ не было. Александромъ II, если не ошибаюсь, они были освобождены безъ земли. Вся земля оставалась въ рукахъ остзейскихъ бароновъ и казны. Жили они тѣмъ, что давало озеро: т. е. занимались рыбной ловлей. Какъ выросшая сама въ нищетѣ, я не удивлялась ихъ бѣдности, меня поразило одно: какъ можно жить такъ, жить безъ борьбы за лучшее будущее; какъ можно жить безъ единственнаго свѣтлаго луча въ будущемъ, безъ единаго проблеска на темномъ горизонтѣ? Но внѣ стѣнъ школы я не могла работать, вслѣдствіе незнанія мѣстнаго эстонскаго языка. Въ стѣнахъ же школы мнѣ было слишкомъ тяжело, тяжело не физически, но морально. Всѣ занятія нужно было вести на русскомъ языкѣ. Тяжело было видѣть, какъ малютка-ученикъ, на мое требованіе говорить только по-русски, такими жалкими и безпомощными глазами смотрѣлъ на меня. „Отчего я не могу въ этихъ стѣнахъ говорить на своемъ родномъ языкѣ?" читала я въ этихъ грустныхъ глазахъ. Тяжело было слышать, какъ 17-18-ти лѣтніе юноши старшихъ классовъ, не зная своей собственной исторіи, богатой фактами и событіями, повѣствовали мнѣ о томъ, какъ дрались чужіе имъ Ольговичи и Рюриковичи въ удѣльный періодъ... Всѣми этими фактами я не хочу сказать, чтобы тотъ народъ, который найдетъ нужнымъ и цѣлесообразнымъ, вслѣдствіе постояннаго общенія съ сосѣднимъ народомъ, изучать языкъ и исторію этого народа,—

не изучалъ-бы ихъ. Но подобнымъ обрусѣніемъ края національная народная культура края надолго остановилась. Проработавъ такимъ образомъ годъ въ Лифляндіи, я перешла въ русское поселеніе, въ земскую школу Петергофскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Условія здѣсь были таковы: передъ школой жилъ жандармъ, позади школы урядникъ, на сосѣдней горѣ попъ, рядомъ съ нимъ псаломщикъ и всѣ четверо писали на меня доносы. Заведу-ли бесѣды и чтенія для народа невиннаго характера, псаломщикъ доноситъ инспектору, что „учительница занимается сторонними школьнымъ занятіямъ бесѣдами и толкованіями"; попъ пишетъ по своему вѣдомству, что учительница секты насаждаетъ, толстовщину распространяетъ, юношество развращаетъ. Займусь-ли народными спектаклями, выступаютъ на сцену со своими доносами урядникъ и жандармъ. Все это происходило лѣтъ пять тому назадъ. По доносамъ меня вызывали то инспекторъ, то училищный совѣтъ, то губернаторъ. Два съ половиною года проучительствовала я въ этомъ „богоспасаемомъ" селѣ; наконецъ, меня училищный совѣтъ выкинулъ изъ учительства. Я безъ особаго сожалѣнія оставляла учительство. Подъ вліяніемъ пройденныхъ мною жизненныхъ перипетій я убѣдилась въ слѣдующемъ: я не могу дѣлиться съ народомъ и тѣми скудными знаніями, какими я сама обладаю, не могу открывать ему глаза на его собственное положеніе, не могу указывать ему на настоящія причины его бѣдствій. Я видѣла, что при такихъ условіяхъ нечего и думать о гармоничномъ духовномъ и душевномъ развитіи человѣка (какъ тому насъ учила педагогика), я видѣла необходимость прежде всего созданія такихъ условій, при наличности которыхъ можно было-бы мыслить о всесторонемъ развитіи человѣка. Я видѣла необходимость борьбы съ правительственной самодержавной тиранією и деспотіей. Я стала революціонеркой.

Въ скоромъ времени послѣ того, какъ выкинули меня изъ учительства, меня арестовали. Держали въ тюрьмѣ (домъ предварительнаго заключенія) и крѣпости въ общей сложности годъ. Выпустили и черезъ двѣ недѣли опять арестовали. Продержали восемь мѣсяцевъ. Когда выпустили второй разъ, я убѣжала за границу. За границей и по пріѣздѣ

въ Россію я работала какъ членъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Подъ вліяніемъ тюрьмы и гоненія со стороны правительства, революціонный духъ во мнѣ окончательно окрѣпъ. Я ясно видѣла, что исторія русскаго народа—это одна кровавая лѣтопись. Я ясно видѣла, что самодержавныя и бюрократическія надстройки держатся только благодаря насилію со стороны власти, благодаря постоянно практикуемому бѣлому, но кровавому террору со стороны у кормила правленія стоящихъ. И я самой жизнью пришла къ слѣдующему убѣжденію: ничего нельзя создать новаго, не нарушивъ стараго; если идеи на штыки не уловишь, то и однѣми идеями штыковъ не отклонишь. Я стала террористкой.

Самодержавный и бюрократическій режимъ дышитъ на ладанъ. Еще пораженія во время безразсудной японской войны показали, что пѣсенка его спѣта. Октябрьская забастовка рабочихъ сильно испугала правительство. Чтобы какънибудь умиротворить страну правительство заявило, что даетъ странѣ свободы. При этомъ, давая одной рукой свободы, другой посылало карательныя экспедиціи по деревнямъ, по городамъ, устраивало кровавые погромы. Этотъ странный періодъ свободъ продолжался не больше мѣсяца. Опять свинцовыя тучи повисли надъ страной репрессій. Народъ не успокаивался. Правительство рѣшило „на подпорку подгнившихъ основъ“ созвать Думу. Ни организація черной сотни, ни другія каверзы и подвохи правительства не привели къ тому, чтобы созвать Думу консервативную, монархическую. Дума созвалась либеральная. Правительство нѣкоторое время терпѣло справедливыя нападки со стороны Думы,—вѣдь брань на вороту не виснетъ,—но чаша „долготерпѣнія“ его переполнилась, когда думцы рѣшились обратиться къ народу съ обращеніемъ, подтверждавшимъ принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Заговорили собственники, заволновались у кормила правленія стоящіе и Думу разогнали. Теперь мы опять переживаемъ періодъ репрессій. Но напрасны всѣ эти потуги правительства. Никакими репрессіями, ни арестами, ни тюрьмами, ни ссылками, ни каторгами, ни висѣлицей, ни разстрѣлами, ни карательными экспедиціями, ни погромами—не остановить ему поднявшагося народнаго движенія.

Вы меня приговорите къ смертной казни. Гдѣ-бы мнѣ ни пришлось умереть—на висѣлицѣ-ли, въ каторгѣ, застѣнкахъ-ли,—я умру съ одной мыслью: прости, мой народъ! я такъ мало могла тебѣ дать—только одну свою жизнь. Умру же я съ полной вѣрой въ то, что наступятъ

. . . . . тѣ дни недалекіе,
Когда . . . . . пошатнувшись, падетъ,
И надъ русской равниной широкою
Ярко солнце свободы взойдетъ.

Рѣчь П. П. Шмидта *).

„Гг. судьи.

Вы нашли у меня программы всѣхъ политическихъ партій. Онѣ мнѣ были нужны потому, что кто серьезно готовитъ себя къ общественной дѣятельности, тотъ долженъ изучить всѣ общественно-политическіе оттѣнки всей страны. Я, гг. судьи, изучалъ программы не только соціалистовъ-революціонеровъ и соціалистовъ-демократовъ, но и съ неменьшимъ интересомъ читалъ и вдумывался даже въ „Мо-

---

*) Петръ Петровичъ Шмидтъ происходилъ изъ дворянъ Херсонской губ. Всѣмъ памятенъ нашумѣвшій въ свое время „Очаковскій“ процессъ и то чувство возмущенія, которымъ были полны сердца всѣхъ гражданъ Россіи при извѣстіи о казни „краснаго“ лейтенанта Шмидта. Вмѣстѣ съ нимъ были преданы временному военно-морскому суду въ Очаковѣ (7—18 февраля 1906 г.) по 51 и 100 ст. Угол. Улож. 43 человѣка, изъ коихъ были казнены матросы: Сергѣй Частникъ, Никита Антоненко и Александръ Гладковъ. Позорная казнь была совершена надъ приговоренными въ ночь съ 5 на 6 марта 1906 г., въ 3 часа ночи, на островѣ Березань, близъ Очакова, куда лейтенантъ Шмидтъ и матросы были доставлены съ „Прута“ на шаландахъ. Разстрѣливали матросы съ канонерской лодки „Терецъ“, прибывшей изъ Севастополя. Передъ казнью П. П. просилъ не привязывать его къ столбу и не одѣвать на голову мѣшокъ. Послѣдними словами Шмидта было трогательное прощанье его съ „братьями-матросами“ и „товарищами-солдатами“. Онъ просилъ вспоминать, не забывать лейтенанта Шмидта, погибающаго за отечество и русскій народъ. „Родные мои,—говорилъ онъ,—помните, за что мы погибаемъ. Простимъ и попросимъ у всѣхъ прощенья“. Въ послѣдній моментъ П. П. Шмидтъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и крикнулъ: „Теперь прощайте. Убивайте“. За четвертымъ залпомъ онъ упалъ.

сковскія Вѣдомости" и „Гражданинъ". Но изъ всѣхъ программъ и оттѣнковъ современной политической мысли Россіи меня болѣе всего привлекало сочетаніе „Царь и народъ". Тутъ во мнѣ говорила не политическая сантиментальность, а глубокая вѣра въ то, что настоящій общественный дѣятель долженъ быть выразителемъ не доктринерскихъ теченій,— какъ-бы заманчивы они ни были,—онъ долженъ быть яркимъ выразителемъ политическихъ идеаловъ цѣлаго народа или, по крайней мѣрѣ, громаднѣйшаго большинства его. А народъ только вѣритъ или, по крайней мѣрѣ, вѣрилъ тогда, когда я былъ на свободѣ, и трогательно вѣрилъ въ себя и въ своего Царя. Народъ вначалѣ безсознательно, а затѣмъ вполнѣ уже сознательно стремился разбить эту непроницаемую стѣну, которая такъ долго, такъ утомительно долго раздѣляла Царя и народъ. И вотъ, когда послѣ позорной

послѣднимъ, встрѣтивъ смерть лицомъ къ лицу съ высоко поднятой головой...

Очевидцы описываютъ трогательную и полную трагизма сцену прощанья въ казематѣ П. П. съ сыномъ.

Лицо отца было радостно просвѣтлено, лицо сына—скорбно и покойно.

— „Знаешь, отецъ,—сказалъ сынъ,—я просто не могу понять, что это дѣлается. Ты, мой добрый, хорошій другъ, долженъ умереть. Смотрю на тебя и не понимаю. По-моему, этого не должно быть. Я могу видѣть тебя мертваго, но не могу себѣ представить, что ты, живой, долженъ умереть. Вотъ я буду съ тобой прощаться и не знаю, что тебѣ сказать. Вѣдь до сихъ поръ при разставаніи мы говорили другъ другу „до свиданія", а теперь я этого не могу сказать. Я ничего не понимаю".

— „А я понимаю,—сказалъ отецъ,—я понимаю, что мы съ тобой не на землѣ теперь, а тамъ гдѣ-то, наверху. Велико мое счастье, что ты твердъ и не падаешь духомъ. Для тебя покажется странной та дума, что у меня въ головѣ: боюсь, чтобы ты не опоздалъ на пароходъ. Вотъ и пойми человѣческую душу. Жизнь и смерть,—какое великое и непонятное сопоставленіе. Тебѣ надо уходить. Прощай, мой милый мальчикъ". Шмидтъ обнялъ и судорожно прижалъ сына всего къ груди. „Ты уже большой,—сказалъ отецъ,—и можешь самъ жить. Иди, бѣги, Женя, Христосъ съ тобой. Но только помни, помни: всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право—вотъ все мое наслѣдство". Сынъ вышелъ, и, когда онъ былъ на улицѣ, Петръ Петровичъ подбѣжалъ къ окну и сквозь рѣшетку сталъ смотрѣть ему вслѣдъ. „Самое тяжелое прошло", сказалъ онъ присутствовавшимъ. (См. „Русь", „Русскія вѣдомости" и „Русское слово" за февраль и мартъ мѣсяцы 1906 г., „Памяти П. П. Шмидта" П. 1906 и „Красный лейтенантъ", М. 1917).

отвратительной войны, благодаря которой на поляхъ Манчжуріи оставлено 100000 труповъ, эта стѣна, казалось, рушилась, и наступилъ день такой радостный, такой прекрасный, равнаго которому, мнѣ казалось, не было въ исторіи человѣчества. Глубоко повѣривъ въ счастливое будущее моей родины, я думалъ, что это будетъ исходнымъ днемъ ея величія, ея могущества и славы, что благодаря этому дню Россія, оправившись отъ потрясеній, способна будетъ повести за собою цѣлое человѣчество. Но вскорѣ появились уже тревожные признаки, и бюрократія—это истинное зло русской общественно-политической жизни—вновь зашевелилась. Я ясно уже видѣлъ старыя попытки отнять у народа Царя, а у Царя народъ, и тогда я почувствовалъ, что намъ нужна немедленно Государственная Дума съ учредительными функціями или Учредительное Собраніе; намъ нужно такое учрежденіе, истинно народное, которое отражало-бы въ себѣ всю Россію, и для этого оно должно быть глубоко демократичнымъ, оно должно быть избрано народомъ безъ всякихъ подтасовокъ, на основаніи прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Это я и считаю цѣлью своей жизни.

Я представляю себѣ русскаго Царя такимъ, какимъ его представляетъ каждый истинный гражданинъ русской земли. Онъ увидѣлъ-бы страну, услышалъ-бы всѣ разнообразныя ея мнѣнія самъ, непосредственно, онъ осязалъ-бы свой народъ своими собственными руками, а не въ бюрократическомъ толкованіи. Зная народъ, я глубоко былъ убѣжденъ, что лѣвыя республиканскія партіи были въ меньшинствѣ. Я не стѣснялся это говорить вездѣ и всегда, когда я полемизировалъ на митингахъ съ республиканскими партіями. Я говорилъ: вы хотите республики, такъ выходите изъ рядовъ народа и идите въ ряды бюрократіи: стрѣляйте, вѣшайте, уничтожайте, истязайте народъ и добьетесь республики. Въ нѣдрахъ же народа, въ планомѣрной политической борьбѣ и культурной политической работѣ вы ея не достигнете. Несмотря на всѣ тяжелыя испытанія,—говорилъ я имъ,—80-ти милліонное русское крестьянство монархично. Оно столько же ненавидитъ бюрократію, сколько любитъ Царя.

Я знаю, что Государственная Дума съ учредительными функціями или Учредительное Собраніе будетъ самою луч-

шею опорой россійскому трону; оно всѣхъ примиритъ и всѣхъ успокоитъ, и, если во имя этого политическаго идеала мнѣ нужно было-бы трижды погибнуть на эшафотѣ,— я погибъ-бы съ улыбкой на лицѣ. И, когда мнѣ г. Прокуроръ говоритъ, что и послѣ 17 октября мой политическій идеалъ и мои политическія стремленія есть попытка къ ниспроверженію монархическаго строя, я самъ обвиняю Прокурора въ оскорбленіи всего русскаго народа и въ оскорбленіи Величества. Я вѣрю, гг. судьи, что только мой идеалъ есть идеалъ дѣйствительно любящаго свой народъ гражданина, и если-бы самъ Государь предлагалъ мнѣ помилованіе цѣною отступленія отъ моего политическаго идеала, то я отказался-бы отъ этого помилованія. О, нѣтъ. Государь не сказалъ-бы того, что мнѣ говоритъ Прокуроръ. Если-бы Государь слышалъ меня, если-бы онъ посмотрѣлъ мнѣ въ душу, онъ сказалъ-бы мнѣ: „Иди съ миромъ и работай во славу Мою и народа". Но его здѣсь нѣтъ, и кажется мнѣ, что онъ меня не услышитъ, а видѣть его я лишенъ возможности.

О своемъ участіи въ севастопольскихъ событіяхъ я уже говорилъ вамъ. Я хотѣлъ, собирался уѣхать изъ Севастополя, я доказывалъ безполезность мятежей, я говорилъ, что если бы всѣ войска и весь флотъ были солидарны, но солидарностью этой злоупотребили и начали-бы агрессивныя дѣйствія, то не получили-бы одобренія русскаго народа. Я говорилъ имъ,—я вѣдь, гг. судьи, тоже военный,—что ихъ всегда можно лишить продовольствія и извести изморомъ. Я предчувствовалъ это кровопролитіе, я боролся противъ него. Я говорилъ уже вамъ, что готовъ былъ уже плакать и цѣловать ноги главнаго командира Чухнина, но я не нашелъ его. Я добивался въ этотъ страшный день свиданія съ главнымъ командиромъ, я глубоко вѣрилъ въ это свиданіе. О, я прекрасно понималъ ту разницу и въ нашемъ общественномъ положеніи и разницу во взглядахъ, но я вѣрилъ, вѣрилъ въ то, что, если-бы мнѣ удалось хотя одинъ часъ провести съ вице-адмираломъ Чухнинымъ, мы сошлись-бы на одномъ—на любви къ народу, и мы плакали-бы вмѣстѣ. О, тогда, тогда, гг. судьи, севастопольское кровопролитіе было-бы предотвращено.

Гг. судьи, я знаю русскій народъ, я видѣлъ его въ деревнѣ, я присматривался къ командамъ,—вѣдь я морякъ, гг. судьи,—я наблюдалъ чернорабочихъ, я знаю идеалы народа и его чувства, я знаю, что народу нужна земля, что это—его идеалъ, и потому я сдѣлался соціалистомъ. Не пугайтесь этого слова,—въ наше время оно обратилось въ жупелъ, а на самомъ дѣлѣ всякій сколько-нибудь политическій человѣкъ понимаетъ, что можно быть соціалистомъ, обладая самыми умѣренными политическими взглядами. Въ послѣдній день, день переѣзда на Очаковъ, я преслѣдовалъ ту же самую цѣль. Не хотѣлъ я никого разстрѣливать, никого убивать, и если можно говорить о трагическихъ цѣляхъ въ этотъ страшный день, когда меня теребили, терзали, когда я падалъ въ обморокъ, то ихъ было двѣ: предупредить разгромъ дивизіи, заявивъ съ краснымъ флагомъ, что эскадра не солидарна съ дѣйствіями усмирителей, а вторая моя цѣль, находящаяся въ полномъ соотвѣтствіи съ желаніями Государя, выраженными въ манифестѣ 17 октября,—необходимость немедленнаго созыва народнаго представительства съ учредительными функціями или Учредительнаго Собранія, что для меня безразлично.

Гг. судьи, у меня къ вамъ одна единственная просьба: если кто и виноватъ въ этомъ дѣлѣ, если здѣсь и есть виноватые, то я одинъ. Если нужно казнить, то казните меня, не трогайте этихъ несчастныхъ людей,—они жили въ этотъ день моею волею, а значитъ и отвѣтственнымъ за все являюсь только я одинъ.

Я много думалъ о васъ, гг. судьи, за эти дни, думалъ о той тяжелой роли, гораздо болѣе тяжелой, чѣмъ моя. Я понимаю, что тяжко быть судьями въ этомъ дѣлѣ, но вы исполните свой долгъ, какъ вы его понимаете. Я увѣренъ только въ одномъ, гг. судьи, я увѣренъ въ томъ, что вы меня обвините, да, обвините, но исторія и народъ оправдаютъ лейтенанта Шмидта*)...

---

*) Рѣчь П. П. Шмидта произвела на судей потрясающее впечатлѣніе. На глазахъ у одного отъ нихъ виднѣлись слезы.

Послѣднее слово П. П. Шмидта *).

„Гг. судьи, передъ вашими безпристрастными глазами прошло дѣло, во главѣ котораго былъ я. Не могло это дѣло стать совершенно яснымъ, такъ какъ оно явилось здѣсь какъ отрывокъ общаго великаго русскаго дѣла, самая сложность котораго не позволяетъ намъ, современникамъ, обнять его безпристрастнымъ взоромъ. И этотъ обрывокъ русскаго дѣла, слабо освѣщенный свидѣтельскими показаніями, ждетъ теперь надъ собою вашего приговора. Я говорилъ вамъ, господа судьи, что не должно быть произнесено въ этомъ дѣлѣ ни одного слова неправды. Только одну правду слышали вы отъ меня и, я знаю, вы вѣрили мнѣ. Предсмертная серьезность моего положенія, отвѣтственность передъ родиной побуждаетъ меня еще разъ сказать о тѣхъ молодыхъ жизняхъ, которыя ждутъ со мною вашего приговора. Клянусь вамъ, что тѣ случайныя свидѣтельскія показанія, которыя установили рядъ уликъ противъ того или другого матроса и тѣмъ увеличили вину нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могутъ, не должны быть приняты во вниманіе. Вѣрьте мнѣ, что стройное накопленіе уликъ не можетъ руководить вами, вѣрьте мнѣ, что всѣ они были передо мною совершенно однородною толпой, что никому изъ нихъ нельзя вмѣнить въ вину близости къ Шмидту. Всѣ они были одинаково близки мнѣ, и если я обращался къ нимъ со словомъ, то ко всѣмъ сразу. Никого изъ нихъ я не могъ посвящать въ свои планы, потому что у меня самого не было плана. Я самъ метался въ глубокомъ отчаяніи своемъ. Вѣрьте же, гг. судьи, что никого изъ нихъ нельзя карать со мною равнымъ приговоромъ. Вѣрьте, что сама правда требуетъ, чтобы отвѣтилъ я одинъ за это дѣло въ полной мѣрѣ. Сама правда повелѣваетъ выдѣлить меня. Я не прошу снисхожденія вашего, я не жду его. Велика, безпредѣльна ваша власть, но нѣтъ робости во мнѣ, и не смутится духъ мой, когда услышу вашъ приговоръ. Не первая Россія переживаетъ дни потрясеній; въ исторіи всѣхъ народовъ, при взаимномъ столкновеніи двухъ началъ,

*) Записано П. П. Шмидтомъ въ казематѣ, по возвращеніи изъ суда, для сына своего Е. П. Шмидта.

отжившей и молодой народной жизни, были всегда жертвы. Въ минуты государственнаго хода не могли не возникать такія глубоко трагическія нѣдоразумѣнія. Я встрѣчу приговоръ вашъ безъ горечи, и ни минуты не шевельнется во мнѣ упрекъ вамъ. Я знаю, что вы, господа судьи, страдаете не меньше меня; вы такъ же, какъ и мы,—жертвы переживаемыхъ потрясеній народныхъ. Безъ ропота и протеста приму смерть отъ васъ, но не вижу, не признаю вины за собою. Когда дарованныя блага начали отнимать отъ народа, то стихійная волна жизни выдѣлила мена, заурядnаго человѣка, изъ толпы, и изъ моей груди вырвался крикъ; я счастливъ, что этотъ крикъ вырвался именно изъ моей груди. Дерзновенный крикъ этотъ не достигъ Государя, но если-бы даже онъ и достигъ Его, то и тогда я не призналъ-бы себя виновнымъ. Преступенъ тотъ, кто осмѣлился въ дни мирной жизни насильственно стучаться во дворецъ, но когда страна охвачена пламенемъ, когда дворецъ горитъ, то не преступно въ безумномъ отчаяніи дерзновенно выламывать двери, чтобы крикнуть Государю: „Царь, дворецъ въ огнѣ“, и нѣтъ преступленія въ самой дерзости моей, нѣтъ въ ней вины. Я знаю, что столбъ, у котораго встану я принять смерть, будетъ водруженъ на грани двухъ историческихъ вѣковъ нашей родины. Сознаніе это даетъ мнѣ много силъ, и я пойду къ столбу, какъ на молитву. Позади, за спиною у меня, останутся народныя страданія и потрясенія пережитыхъ тяжелыхъ лѣтъ, а впереди я буду видѣть молодую, обновленную Россію. Высокая радость и счастье наполнятъ душу, и я приму смерть. Въ послѣднія минуты жизни буду думать: „Да живетъ русскій Царь, да здравствуетъ грядущее народное представительство, да здравствуетъ всеобщее избирательное право, да здравствуетъ святая, обновленная, могучая, свободная Россія!“

Письмо П. П. Шмидта къ сыну.

„Голубчикъ мой, Женя!

Помнишь, ты заходилъ въ мою тюрьму прощаться, и я говорилъ тебѣ, что не знаю, скажу ли я что-нибудь судьямъ или нѣтъ: это было утромъ, до засѣданія. Когда я пришелъ въ судъ, то и не думалъ о томъ, буду или нѣтъ говорить, и не думалъ, что сказать мнѣ, если я буду говорить. Слова, которыя воспроизвелъ я здѣсь тебѣ почти съ буквальной точностью, вылились сами изъ моей души, и въ нихъ правдиво отразилось душевное состояніе мое, и мысли, и вѣра моя. Я нарочно просилъ защитниковъ моихъ провѣрить то, что записалъ, и они провѣрили и сказали, что написанное здѣсь почти дословно было сказано мною. Мнѣ же именно и хочется, чтобы эти послѣднія слова, сказанныя мною передъ принятіемъ смертнаго приговора, дошли до тебя въ полной точности такъ, какъ они вылились изъ души моей. Ты—мой честный, горячо любимый сынъ и другъ; мы вмѣстѣ съ тобою пережили этотъ кровавый день на Очаковѣ, мы вмѣстѣ хотѣли принять смерть, но сама справедливость спасла твою молодую жизнь, сама справедливость спасла меня отъ смерти въ тотъ день, для того, чтобы я могъ умереть теперь, объяснивъ русскимъ людямъ, за что умираю я. Живи же, мой мальчикъ, живи, сынъ мой, проникнись тѣми простыми идеалами, и стремленіями, которыми жилъ я. Продолжай служить дѣлу, отъ котораго отрываетъ меня казнь. Въ каждомъ человѣкѣ, къ какой-бы партіи онъ ни принадлежалъ, ты долженъ видѣть своего друга и друга отца твоего, если этотъ человѣкъ искренно, всѣмъ существомъ своихъ жаждетъ для Россіи всеобщаго избирательнаго права.

Крѣпко обнимаю тебя, сынишка мой хорошій, крѣпко люблю. Твой папка, другъ *П. Ш.* 1906 года 17-го февраля. Городъ Очаковъ“.

Оглавленіе.

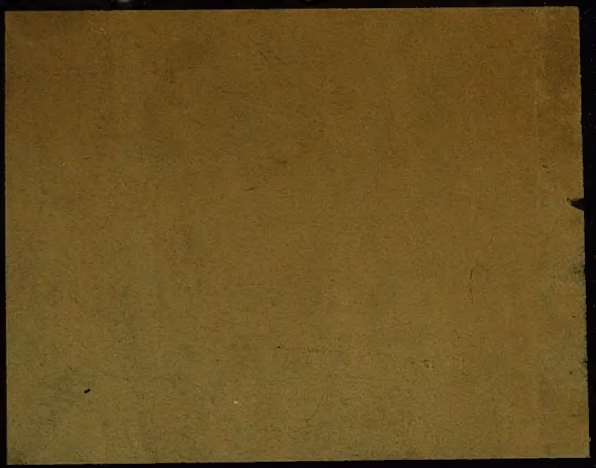
	Стр.
Предисловіе *М. Т.*	3
Вступительная статья *М. Ф. Теодоровича*	5
Письмо *В. А. Осинскаго*	9
Изъ рѣчи *А. А. Квятковскаго*	11
Рѣчь *А. И. Желябова*	14
Послѣднее слово *А. И. Желябова*	18
Послѣднее слово *А. И. Кибальчича*	19
Послѣднее слово *С. Л. Перовской*	20
Послѣднее письмо *С. Л. Перовской*	20
Изъ послѣдняго слова *Н. Е. Суханова* на судѣ	21
Рѣчь *И. Н. Мышкина*	22
Изъ послѣдняго слова *А. И. Ульянова*	34
Письма *Н. Л. Зотова*	35
Письма *А. Л. Гаусмана*	39
Письма *Л. М. Коганъ-Бернштейна*	40
Изъ слова *С. В. Балмашова* на судѣ	44
Письмо *С. В. Балмашова* къ родителямъ	45
Рѣчь *И. П. Каляева*	46
Письма *И. П. Каляева*	52
Письмо *Х. Гершковича*	57
Рѣчь *З. В. Конопляниковой*	59
Рѣчь *П. П. Шмидта*	64
Послѣднее слово *П. П. Шмидта*	69
Письмо *П. П. Шмидта* къ сыну	71

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Работы М. Ө ... доро...

1. Малолѣтніе и несовершеннолѣтніе преступники. Вмѣ мѣры ... отвѣтственности, исправительные пріюты и коло... ... дѣтей. 320 стр. съ 12 фотогр. В. 1914 г. ... Университета сочиненіе удостоено ...
2. Дѣти—преступники и суды для ... 32 стр. В. 1914 г. Ц. 30 коп

„Революція и Исторія“.

Серія по...лярныхъ историческихъ брошюръ подъ ред. **А. М. Васютинскаг... В. Н. Перцева и К. В. Сивкова.**

№ 1. Буржуазія и революція. В. Н. Перцевъ.
№ 2. Революція и анархія. А. И. Стражевъ.
№ 3. Англійская революція XVII в. И. Г. Григорьянцъ.
№ 4. Какъ возникла великая сѣв.-америк. республика. И Н. Херасков...
№ 5. Великая французская революція.
I. Король, дворъ и революція. Е. А. Ефимова.
II. Демократія и революція.
IV. Аристократія и революція.
VI. Революція и Наполеонъ. Е. А. Ефимова.
№ 6. Какъ возникла и погибла республика во Франціи въ 1848 год... М. Е. Федорова.
№ 7. Какъ англійскіе рабочіе въ прошломъ столѣтіи боролись за сво... права. Н. И. Радцигъ.
№ 9. Какъ боролись народы Австріи за свою самостоятельность. В. Н. Перцевъ.
№ 10. Какъ нѣмцы добывали себѣ свободу. В. Н. Перцевъ.
№ 12. Какъ жила, боролась и погибла франц. коммуна. Н. П. Губскій.
№ 14. Какъ нѣмцы стали стремиться къ міровому могуществу. В. Н. Перцевъ.
№ 16. Изъ исторіи борьбы съ самодержавіемъ. К. В. Сивковъ.
№ 17. Дворцовые перевороты XVIII вѣка.
№ 18. Декабристы.
№ 19. Петрашевцы.
№ 20. Либеральное и революціонное движеніе 60-хъ годовъ XIX в.
№ 21. Народничество 70-80 гг. XIX в.
№ 26. Исторія революціи 1905 года.
№ 27. Исторія первой Думы.
№ 28. Исторія второй Думы.
№ 29. Русскіе писатели—апостолы свободы. С. Орловскій.
№ 30 Брешко-Брешковская—Бабушка русской революціи. И. И. Попов...